

ФИЛОСОФ В ДИАЛОГЕ С ПОЭТОМ: ПИСЬМА А.К. ГОРСКОГО М.М. ШКАПСКОЙ*

Аннотация: Публикация писем философа, поэта, критика Александра Константиновича Горского (1886–1943) поэтессе и журналистке Марии Михайловне Шкапской (1891–1952) представляет новый материал к истории литературной и культурной жизни Москвы первой половины 1920-х гг. В письмах Горского рассматриваются ключевые проблемы, занимавшие его в этот период: смысла любви, философии творчества, содержатся интересные данные к истории образования в ГАХН Ассоциации по изучению творчества Александра Блока, членом которой был Горский.

Abstract: Publication of letters written by the philosopher, poet and critic Alexander Konstantinovich Gorsky (1886–1943) to the poet and journalist Maria Mikhailovna Shkapskaya (1891–1952) presents a new material regarding the history of literary and cultural life of Moscow in the first half of the 1920s. Gorsky's letters deal with key issues that concerned him during that period — the meaning of love, the philosophy of creativity, and contain interesting data on how the GAKhN Association for the Study of the Work of Alexander Blok was founded, Gorsky being a part of it.

Ключевые слова: А.К. Горский, М.М. Шкапская, литературная жизнь Москвы, 1920-е гг., эпистолярный корпус, философия творчества.

Keywords: A.K. Gorsky, M.M. Shkapskaya, Moscow literary life, the 1920s, epistolary corpus, philosophy.

В панораме литературной жизни 1920-х гг. фигура Александра Константиновича Горского (1886–1943), философа, поэта, публициста, долгие годы оставалась практически незамеченной и в исследовательский объектив не попадала. Да и в последние десятилетия, когда о Горском стали писать историки философии, собственно художественная и литературно-критическая часть его наследия не привлекала внимания. Сын священника из г. Стародуб, выпускник Московской духовной академии (1906–1911), составитель сборника «Вселенское дело» (Одесса, 1914), посвященного памяти Н.Ф. Федорова, автор серии брошюр «Николай Федорович Федоров и современность» (Харбин, 1928–1932), интересовал ученых прежде всего как мыслитель, представитель религиозно-философского крыла ноосферной, космической мысли, критик «смертобожничества» и апологет активного христианства, один из участников имяславских споров, новый виток которых пришелся на первую половину 1920-х гг., автор трактата «Огромный очерк», в котором, продолжая идеи «Смысла любви» В.С. Соловьева и опираясь на психоаналитический метод, развивал оригинальную концепцию «преобразовательной», «воскресительной» эротики¹.

---

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 17-18-01432.

Однако жизнь и творчество Горского были связаны не только с судьбами немарксистской мысли в Советской России, но и с движением литературы. Именно в первое пореволюционное десятилетие поэтические опыты Горского, дебютировавшего еще в 1913 г. сборником «Глубоким утром», где впервые появился его литературный псевдоним «Горностаев», обретают зрелость и цельность. Из множества вещей, написанных в 1919–1928 гг., до ареста и последовавшего за ним восьмилетнего заключения в лагере, увидели свет лишь два поэтических сборника, напечатанных его другом Н.А. Сетницким в Харбине: «Лицо эры» — в 1928 г., «Одигитрия» — в 1935 г. Но многие стихи, как вошедшие в сборники, так и упокоившиеся, по выражению Н.С. Тихонова, в «могиле стола», звучали в устных выступлениях поэта — сначала в Одессе, где он деятельно участвовал в работе знаменитого ХЛАМа, возглавлял отдел поэзии в журнале «Южный огонек» (1918) и даже одно время был председателем местного Союза поэтов, затем в Москве, куда перебрался в конце 1921 г., окунувшись с головой в бурлящую литературную жизнь. Несколько лет — с 1924 по 1928 гг. — Горский возглавлял литературно-философский кружок, в котором участвовали как уже вошедшие в литературу поэты (Э. Багрицкий, братья Борис и Всеволод Шманкевичи, А. Миних), так и начинающие — В. Луговской, В. Державин. Один из участников кружка вспоминал, как читал он свое стихотворение «Сосны»:

Так густо смолами дымиться!
Так дружно в строй стволов сомкнуться!
Так вверх стремительно прямиться!
Так в линию одну тянуться!

Так зеленеть в оледененьи!..
И так в огне лучистой встречи
К бездонной вышине весенней
Воздеть бесчисленные свечи².

Много сил отдавал Горский литературно-философской и художественной критике. Во второй половине 1910-х гг. его статьи о А.Н. Скрябине, В.И. Ребикове, проблемах синтеза искусств регулярно печатались в журнале «Южный музыкальный вестник»³. А параллельно рождались работы о литературе: в архиве философа, изрядно потрепанном пересздами и арестами, сохранились части статей «Магический кристалл» (о Пушкине), «Поэзия Ивана Коновского», «Омытое солнце» (посвящена В.С. Соловьеву-поэту), причем первая из них в 1923 г. была переделана в обширное, но незавершенное сочинение, посвященное роману «Евгений Онегин». В 1918 г. Горский написал книгу «Рай на земле. К идеологии творчества Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров», которая увидела свет лишь спустя 11 лет⁴.

С конца 1910-х гг., когда возможности печататься — сначала из-за разрухи Гражданской войны, потом по причине цензурного прессинга — редуцируются до предела, основной формой творческой реализации становятся для Горского-критика устные доклады, к которым он делает заметки и пишет тексты. Так появляется статья «Красная тайна в поэзии Александра Блока», созданная по материалам доклада в Одесском литературно-художественном обществе 9 ноября 1917 г.⁵, а в январе 1919 г. в том же собрании Горский разбирает поэму А.А. Блока «Двенадцать», затем превращая доклад в статью «Крест над вьюгой». Еще активнее он обращается к блоковской теме в московский период, участвуя в работе Государственной академии художественных наук в качестве члена Ассоциации по изучению творчества А.А. Блока. Помимо докладов о Блоке («О цикле “Мэри”» и «Блок и Гоголь»), сделанных на заседаниях ассоциации⁶, в 1920-е гг. Горский выступал в ГАХН с докладами об идейно-творческих взаимоотношениях Н.Ф. Федорова и Л.Н. Толстого, заочном диалоге Н.Ф. Федорова и Ф.М. Достоевского⁷. Его подпись периодически появляется в регистрационных листах под-секции русской литературы Литературной секции ГАХН, а в гахновских протоколах зафик-

сированы выступления философа в прениях по докладам, яркие, нешаблонные, будившие мысль.

Если попытаться определить место Горского на литературной карте постреволюционного времени, то он, безусловно, примыкает к лагерю, образованному теми писателями и поэтами Серебряного века (В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, М. Волошин, Б. Пастернак), которые, в отличие от эмигрантов З. Гиппиус, Д. Мережковского, Г. Иванова, В. Ходасевича и др., остались в стране и стремились понять (а не отвергнуть) октябрьский сдвиг, осмысляя текущее время истории в религиозном и даже эсхатологическом смысле. Тот же побудительный импульс пронизывал и деятельность А.К. Горского. Прочитывая события эпохи сквозь призму «Откровения Иоанна Богослова», он не просто рассматривал совершающееся как «суд Божий» над миром, как знамение «последних сроков», но и, опираясь на выдвинутую в свое время Н.Ф. Федоровым идею условности апокалиптических пророчеств⁸, выстраивал концепцию истории, в которой возможен поворот на Божьи пути, акцентируя те образы последней книги Нового завета, где в символической форме запечатлена идея обновления, а не разрушения мира, манифестирована победа Жизни над «смертью» и «адам».

В богословских и религиозно-философских работах, посвященных теме «активной апокалиптики»: «Тезисах об имяславии» (1924), «Тезисах о тайне беззакония» (1925)⁹, трактате «Смертобожничество», написанном совместно с Н.А. Сетницким и напечатанном в Харбине в 1926 г., в наброске второй его части — «Борьба делом» Горский включал искусство в контекст эсхатологической темы. Поэты, писатели, публицисты, по его убеждению, должны стать членами Христова воинства, участниками «последней битвы», а затем строителями Царства Христова, соединяя художественное и аскетическое делание, «подвиг искусства» с «искусством подвига»¹⁰. И сам в своей жизни и творчестве стремился к этому синтезу. В его поэтических циклах 1920-х гг. «Дуновенье тишины» (1924), «Световая оболочка» (1924–1925), цикле апокалиптических поэм, перелагающих главы «Откровения...» (1922), цикле сонетов «Великая цепь» (1928) и др. доминирует тема преображения мира, метаморфозы пола и тела. Об этой метаморфозе, предреченной в словах ап. Павла: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» (1Кор. 15: 51), Горский размышлял постоянно, стремясь нащупать пути, которыми уже здесь, на земле, должен идти человек, чтобы обрести новую, неущербную плоть.

В современной литературе, понятой как «барометр» времени, поэт, критик, философ особенно выделял тех писателей и поэтов, которые вступали в схватку с судьбой, сворачивали с проторенной колеи на бездорожье, выходили за ограничительные линии, поставленные привычным ходом вещей, всем строем творчества подводя читателя (который в конечном итоге должен стать деятелем) к идее (и необходимости) радикальной метаморфозы, изменения всего строя отношений человека с бытием и историей, более того — изменения самого бытия, из разрозненного, вытесняющего, смертного — в бессмертный, всеединный, творчески неисчерпаемый. Таким был для него А.А. Блок, и Горский всю жизнь горестно сетовал, что так и не увидел поэта лицом к лицу. Таким был Андрей Белый, выразивший, по слову Горского, «сверхъестественное в полноте естественного»¹¹. (Горский собирался написать о нем целую книгу.) Таким был М.А. Волошин, автор цикла «Путями Каина». Все они, с точки зрения Горского, рисуя столкновение стихии и культуры, цивилизации и творчества, техники и органики, в то же время подводят читателя к пониманию того, что жизнь должна завершаться «не смертью — не расторжением души с телом, не развоплощением — а чем-то другим — подобным тому, что произошло с Илией и Энохом, какой-то переменной — метаморфозой, трансформацией, преображением, пресуществлением тела»¹².

В круг тех писателей, которые в напряженном поиске смысла существования и нового образа действия смело расправлялись со стереотипами и попирали условности, входила и Мария Михайловна Шапская (1891–1952). В русской поэзии первой половины 1920-х гг. ее имя звучало достаточно громко. Поэтессу ценили А.А. Блок, А.М. Горький, о. Павел Флоренский, который, как пишет Б. Филиппов, ставил ее лирику «по силе и эмоциональной на-

сыщенности — предельной краткости»¹³ выше Ахматовой и Цветаевой. Да и входила она в эти годы в литературу стремительно, как бы компенсируя трудные годы детства и юности, когда ей приходилось зарабатывать тяжелой поденщиной, чтобы хоть как-то прокормить 11 братьев и сестер, парализованную мать, душевнобольного отца, как бы догоняя время за годы изгнания, которые провела вместе с мужем во Франции (после высылки в Олонецкую губернию молодой паре при содействии московского филантропа Н.А. Шахова удалось выехать в Тулузу и Париж), за неудачную попытку издать в 1916 г. сборник написанных за границей стихов. В 1920 г. 29-летнюю поэтессу принимают в Петроградский Союз поэтов, причем в качестве оснований к приему фигурирует не книга, а черновая рукопись. Спустя несколько месяцев эта рукопись станет маленькой книжечкой с говорящим названием «*Mater dolorosa*» (Петроград: Неопалимая Купина, 1921). На сборник тут же откликнутся и критики, и собратья-поэты — от В. Брюсова и В. Пяста до М. Шагинян и Н. Павлович: они будут отмечать его «лица необщье выраженье», «необычность мотивов»¹⁴, стилевое своеобразие. Шкапская избегала «привычной формы печатанья» поэтических текстов, подчеркивающей «музыкальное, песенное строение стиха»¹⁵, стихотворные строки часто сливались ею в единый текст.

В 1922-м (пик популярности Шкапской), помимо книжки «Свет вечерний», содержащей ранние стихи поэтессы, над которыми еще витала тень Серебряного века, появятся сборники «Барабан строгого господина» (Берлин: Изд. «Огоньки», 1922) и «Кровь-руда» (Берлин: Эпоха, 1922), после которых уже нельзя будет сомневаться, что Мария Шкапская — поэтесса со своим голосом и своей уникальной творческой нотой. Вскоре выйдут в свет поэма «Явь» (М.: Круг, 1923), трагический документ эпохи Гражданской войны, сюжетом которой является казнь, а метасюжетом — рознь, а в 1925 г. — сборник «Земные ремесла» с поэмой «Человек идет на Памир», после которого поэтическая кампания Шкапской оборвалась (точнее была сознательно ею оборвана).

Знакомство Марии Шкапской и Горского состоялось в 1922 г. в один из ее приездов в Москву. Осенью между ними завязалась переписка, длившаяся целых 3 года. Уже первое письмо демонстрирует внимание философа к личности и творчеству поэтессы, и это внимание все углубляется по мере общения. Горского привлекает своеобычность художественного мышления Шкапской, нетривиальная трактовка в ее стихах «вечных» тем: любовь, материнство, страдание, смерть. Сам он в этот период исследует природу творческого акта, вынашивая идеи, которые в 1924 г. лягут в основу трактата «Огромный очерк». В этом трактате Горский, с одной стороны, опирается на достижения психоаналитической школы в описании душевной жизни личности, ее глубинных травм и искалеченностей, а с другой — демонстрирует ограниченность психоанализа в понимании «тайны творчества», которая не сводима к механизму вытеснения и сублимации влечений, но движется глубинно эротическим стремлением художника перерасти рамки своей психо-физики, ограниченного, отъединенного «я», создать для себя «новую природу, лучше и полнее той, к которой мы прикованы»¹⁶, выйти к идеалу «всемирной сизигии». Продолжая Н.Ф. Федорова (идея «положительного целомудрия») и В.С. Соловьева («Смысл любви»), Горский дает свою версию «этики преображенного Эроса» и в этом контексте размышляет о типах эротизма, противопоставляя мужскому либидо, функционирующему по типу опоры, женскую сексуальность, развивающуюся по зеркальному принципу отождествления, мужскому, точно-экуляторному эросу, сопряженному с «гибелью жизнестаряженных клеток»¹⁷, женский тип магнитно-облачной эротики, охватывающей весь организм, как бы расширяющей его в пространство, готовящей будущую телесную метаморфозу. И творчество Марии Шкапской интересует Горского как выражение женского логоса и женского эроса, как проявление метафизики женского, которую поэтесса стремилась раскрыть подобно своим поэтическим сестрам Анне Ахматовой и Марине Цветаевой.

Шкапскую подчас упрекали в желании шокировать читателя, в дерзком обращении к темам, которые в глазах пуритански настроенного обывателя прочно находились в зоне табу.

В ее поэзии было все: дефлорация, половой акт, беременность, роды, аборт. Повседневные, сниженные реалии, смело вводимые ею в поэтический текст, оказывались «ценителям» русской поэзии «непривычны и непонятны»¹⁸. Однако смысл этого раздвижения рамок был совсем не в стремлении эпатировать публику. Привлекала *иная*, поражающая замысленный глаз точка зрения на эти привычные, хотя порой и горькие реалии женской судьбы.

Тело и его интимные части, в равной степени обесценивавшиеся и ханжеским сознанием, и сознанием эмансипированным (для первого — это низшая, греховная часть человека, для второго — обыкновенная физиология) Мария Шкапская делала предметом почти религиозного культа. Она погружалась в мифологические глубины эроса, вновь и вновь обращаясь к тайне зачатия и рождения, к женскому лону, принимающему в себя семя и дающему плод. Но в отличие от амбивалентного образа Великой Матери людей и богов, которая бесстрастно рождает и столь же бесстрастно умерщвляет своих детей, у Шкапской женщина и ее чрево являются вместилищем и проводником жизни. Женщина не бесстрашна — в ней бьется мощная энергичная сила. А главное осуществляемая ею из поколения в поколение преемственность рождений создает основу единства человечества: как бы ни впадал человеческий род в соблазн разрушения, рождающее естество женщины сшивает и врачует раны. «Все течет — от праматери Евы к отягченным вещами дням, через каждое новое чрево, приобщаясь все у новым нам <...> течет угрюмо и красно единая от первого дня, всем дням и векам участна, и нас со всеми родня»¹⁹.

Шкапская рисует особый, сакральный образ тела: будучи одним и тем же и у прародителей, и у древних людей, и у современников, оно является опорой и основанием бытийного единства рода людского: «Только платью, язык да прическа, да немного иное жилью, да на полках Дарвин и Лосский — но как древне тело мое. / И какие древние тайны в крови бесшумной моей — от первых дней мирозданья хранятся до наших дней»²⁰. При этом тема крови и рода — не без влияния Горского, познакомившего поэтессу с идеями Федорова, — трансформируется у нее в тему сопричастности ушедших живущим: героиня ощущает себя, свое тело и свою судьбу вместилищем родовой памяти: предки как бы «записаны» в ней со всеми своими «ошибками», блужданиями, заблуждениями²¹. Через тело, через плоть осуществляется реальная бытийная связь поколений: от первого рожденного до самой поэтессы и ее современников. Об этой подчас игнорируемой, но нестираемой связи человека и его рода она написала:

Деды дедов моих, прадеды прадедов,
Сколько же было вас прежде меня?
Сколько на плоть мою вами затрачено
С древних времен и до этого дня?
Длинная, трудная, тяжкая лестница,
Многое множество, тьмущая тьма, —
Вся я из вас — не уйдешь, не открестишься,
Крепкая сложена плотью тюрьма.
Ношей тяжелой ложитесь мне на плечи, —
Строю ли, рушу ль, боюсь иль люблю, —
Каплями пота, кровавыми каплями,
Вы прорастаете в волю мою...

Б. Филиппов в своей статье о поэтессе сообщил любопытный факт: «Молодая “ленинградская” литературная поросль середины двадцатых годов прозвала Марию Шкапскую “Три В” (“Ведьма-Вакханка-Волчица”)²². Этими тремя «В» младшие современники поэтессы стремились передать то торжество полнокровного, земного начала, ту потрясающую витальность и ту магическую силу, которая исходила от Шкапской-поэта. Сам Филиппов, рефлекслируя над смыслом этой витальности, источной, мощной и страстной привязанности к земле, предложил назвать Шкапскую «Василисой Розановой русской поэзии»²³. И это было

во многом точное попадание. Ведь у Василия Розанова апология земного, телесного, «языческого» начала отнюдь не являлась самодовлеющей. За ней вставали иные — религиозные — смыслы. Это было оправдание материи, утверждение ее как достойного и благого вместилища духа, удивление тому воплощенному чуду, которым является человек. Более того, по справедливой мысли Филиппова, такие явления, как Розанов и Шкапская, выправляли ту стужеванность (а порой и испуг) перед телесностью, который торжествовал и в жизни, и в русской литературе XIX в. Этот стыд перед плотью, стремление «запрятать ее в потаенные темные углы квартиры, литературы, жизни» литературовед связывал с... влиянием эпохи Просвещения и «отпадом от истинно-христианской культуры, которая-то и воскресение чаёт во плоти». И считал «особенно ценной» представленную в лирике Шкапской «попытку *реабилитации плоти* — даже (она, может быть, и сама это неясно сознавала) — *обожения* ее»²⁴.

Это-то внимание Шкапской к тайне телесности, волю к «реабилитации плоти», зародышевое и неясное еще самой поэтессе стремление к преобразению, высветлению естества и ценил Горский, надеявшийся, что брезжущее в ее стихах «неясное сознание» и слепое предчувствие духо-телесной метаморфозы перейдет в конечном итоге в осмысленное, твердое *stredo*. Будучи наследником Федорова и Соловьева, он был убежден, что нельзя успокоиться на «розановской» идее рождения, а тем более видеть в рождении единственный из возможных путей преодоления смерти. В каждом рожденном эта победа беспощадно стирается крышкой гроба. Полнота преодоления смертного строя мира может быть осуществлена лишь воскрешением. Эту мысль Горский постоянно проводил в своих философско-публицистических текстах, работах о литературе, стихах и поэмах.

Примечательно, что и в творчестве самой Шкапской апология женщины как роженицы, побеждающей судьбу и смерть, время от времени проходила «через большое горнило сомнений». Стихи ее первого сборника «*Mater dolorosa*» (Пб., 1921) объединены темой материнской скорби о ребенке, умершем во младенчестве: «Был он нежный, был родной, был он ей, лишь ей одной, — нежный, теплый голышок, в теле розовый пушок. В землю сын ушел, и мать от земли не может встать». В сборнике «*Барабан строгого господина*» поэтесса с горечью сетует, что матери могут дать своим детям лишь тот же скорбный и смертный удел: «Нет у нас чудесных и особенных, и они такие же, как мы, дети той же скудной родины, узники одной тюрьмы». В другом стихотворении сборника мать, потерявшая сына, в отчаянии пытается раскопать его могилу (источный воскресительный импульс) и ведет драматический диалог с Богом:

— Что ты там делаешь, старая мать?
— Господи, сына хочу откопать?
Только вот старые руки мои
Никак не осият черной земли <...>
Сможешь ли землю заставить опять
Матери милое тело отдать?
— Дух его — Мне, а земле только плоть,
Надо земное в себе обороть.
Что же ты делаешь, старая мать?
— Господи, сына хочу откопать²⁵.

А в сборнике «*Кровь — руда*» не без влияния Горского, «облучавшего» поэтессу идеями Федорова, появилось стихотворение, в котором обнажено предстала мысль философа общего дела о том, что в природном рождении, пораженном смертной язвой, скрыто начало смерти и всякая новая жизнь невольно иссушает силы родителей, неуклонно подвигая их к окончательному финалу:

О, эта женская Голгофа! — Всю силу крепкую опять в дитя отдай, носи в себе, собой его питай — ни отдыха тебе, ни вдоха.

Пока, иссохшая, не свалишься в дороге — хотящие прийти грызут тебя внутри. Земные правила просты и строги: рожай, потом умри²⁶.

Горский искал в своем творчестве путей к преодолению этой «женской Голгофы». В одном из писем поэтессе он упоминает мысль Н.Ф. Федорова о дочери человеческой, которой должна сознать себя каждая женщина. Становясь матерью, она не может, повинувшись слепому инстинкту, отдавать себя только потомству, которое в свою очередь, по естественному закону, вытеснит родившую из бытия, но призвана, следуя уже не инстинкту, а голосу сердца, зову высшей природы, пестовать в себе столь же всеотдайную, воскресительную любовь к своим ушедшим или уходящим родителям. В работе «Огромный очерк» и других статьях и заметках 1920–1930-х гг. Горский выдвигает путь «девства» как один из путей к будущей метаморфозе. Целомудрие, требующее колоссальных внутренних усилий, кропотливого труда человека над своим естеством, философ связывал не с аскетическим умерщвлением тела, а с развитием его еще не известных потенций. «Магнитно-облачная эротика», особенно характерная для молодой, расцветающей плоти, в будущем человечестве, по мысли Горского, должна раскрыться во всей своей полноте, воздействуя на внешний мир, расширяя организм в пространстве, соединяя его с другими «я», создавая среду «всемирной сизигии», которая должна в конечном итоге заступить место «двойной непроницаемости» вещей и явлений, что, по слову В.С. Соловьева, составляет приметку нынешнего послегрехопадного, смертного бытия²⁷.

Переписка писателя и философа, стремительно начавшаяся в ноябре 1922 г., обрывается январским письмом Горского 1925 г. Не имея ответных писем поэтессы, можно лишь предполагать, что стало причиной прекращения эпистолярного диалога. Со стороны Горского, по всей вероятности, поначалу был лишь временный перерыв в переписке: в 1925 г. вместе с Н.А. Сетницким он напряженно работал над трактатом «Смертубожничество», стремясь ввести идею активности в борьбу со смертью в богословский контекст. Сама же Шкапская с весны 1925 г. переживала сложный период жизни, лишь отдельные отзывы которого запечатлела ее переписка с С.А. Толстой²⁸. А затем наступила переломная осень 1925 г., когда в жизни поэтессы случилась личная катастрофа, радикально переменившая ее судьбу. 28 сентября 1925 г. покончил с собой человек, которого она любила долгие годы и от которого родила сына, инженер И.М. Басс. В письме еврейской поэтессе Рахели, спустя год после трагедии она писала: «... Я так измучена и искалечена своим горем, что порой сомневаюсь в своих умственных способностях. Вы знаете, что Гилюша застрелился в прошлом году? И вот уже год, как я медленно истекаю кровью от боли и от отвращения к себе, и если бы не то, что у меня остался от него сынишка — точная с него копия, ничто не удержало бы меня в жизни»²⁹.

После трагедии, в которой Шкапская винила себя, поэтесса была на грани самоубийства. Спасли чувство долга — нужно было жить ради детей — и работа очеркистом, связанная с постоянными разъездами, понуждавшая к мобильности, четкости, определенности, не требовавшая нестерпимого теперь для поэтессы взрезывания душевных глубин. В том же письме Рахели она сообщает: «Работаю, правда, как окающая — езжу по всей России специальной корреспонденткой от газеты, пишу очерки и статьи, а со стихами все покончила — это всегда как воду падает — без ответа, без отклика»³⁰.

Так о трагедии можно было писать только женщине, но невозможно было писать А.К. Горскому. А о другом, что составляло содержание жизни до рокового октябрьского дня, она больше писать не могла. Наступило молчание. Слова кончились. Как кончились и стихи. Поэтический сборник «Земные ремесла» (М., 1925), завершившийся поэмой «Человек идет на Памир», оказался последним. После 1925 г. у Шкапской выходят только сборники очерков: Сама по себе. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930; Вода и ветер. М.; Л.: Госиздат, 1931; Пятнадцать и один. М.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931; Человек работает

хорошо. Л.: Худож. литература, 1938 и др. В этих книгах — история экономического строительства первых десятилетий советской власти, восстановления хозяйства, разрушенного Гражданской войной, создания новых городов и индустриальных центров. От экзистенциальной трагедии, от разверзшейся бездны, от ощущения непоправимости совершившегося, от раздирающего чувства вины Шкапская пытается спастись уже не через рождение, вводящее в мир все такие же утлые, смертные существа, но через социальное делание, через напряжение великих строек, которые вовлекают в масштабную, созидательную работу огромные массы людей, творят то, что в масштабах истории кажется прочным и долговечным, встающим твердым заслоном на пути смерти³¹. Она удивляется и заставляет удивляться читателя энтузиазму строителей нового мира, мощи человеческого разума и коллективного делания, неистощимому природному богатству страны, которое осваивают и делают общественным благом люди труда.

Но такой способ преодоления трагедии смертной жизни казался Горскому столь же обманным, как и родовое бессмертие: он, по существу, был не преодолением, а лишь отодвиганием трагической реальности бытия, закланием бездны, попыткой продолжать строительство дома, не замечая сжирающего его пожара. И выбравшая этот путь, сознательно и самосохранительно обузившая себя Мария Шкапская, талантливый очеркист, но замолчавший навеки поэт, была уже не так интересна Горскому, как поэт Мария Шкапская, принадлежавшая, по его собственному признанию, «к числу тех, которые “нарушили покой мира”»³².

¹ См.: *Hagemeister M. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung.* München, 1989. S. 230–239, 343–362, 380–392; *Гачева А.Г.* А.К. Горский и Н.А. Сетницкий — последователи идей Н.Ф. Федорова // *Начала: Религиозно-философский журнал.* 1993. № 1. С. 90–101; *Семенова С.Г.* Преобразовательная эротика А.К. Горского // *Семенова С.Г.* Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-пресс, 1994. С. 372–381; *Гачева А.Г.* Религиозно-философская ветвь русского космизма: 1920–1930-е годы // *Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г.* Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 79–125; *Hagemeister M.* Imjaslavie — Imjadjestvie. Namensmystik und Namensmagie in Rußland (1900–1930) // *Namen: Benennung — Verehrung — Wirkung. Positionen der europäischen Moderne.* Berlin, 2009. S. 77–98; *Макаров В.Г.* Архивные тайны: философы и власть. Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // *Вопросы философии.* 2002. № 8. С. 98–133; *Гачева А.Г.* От имяславия к имядействию: А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев в кругу споров об Имени // *Вопросы философии.* 1915. № 3. С. 122–136. Отдельные сочинения Горского см.: *Горский А.К., Сетницкий Н.А.* Соч. / Сост. Е.Н. Берковская (Сетницкая), А.Г. Гачева. М.: Раритет, 1995.

² *Гойлов Н.С.* Воспоминания. Магнитофонная запись 1992 г. Расшифровка А.Г. Гачевой.

³ См.: *Горский А.К.* Этапы духосознания // *Южный музыкальный вестник.* 1915. № 4. С. 2–6; *Горский А.К.* Германизм и музыка // *Южный музыкальный вестник.* 1915. № 6. С. 6–9; № 7. С. 9–12; № 12–13. С. 3–4; № 14–15. С. 1–3; 1916. № 5–6. С. 23–25; *Горский А.К.* Окончательное действие // *Там же.* 1916. № 7–8. С. 35–38; *Горский А.К.* Ребиков // *Там же.* 1916. № 15–16. С. 100–104; № 17–18. С. 115–120.

⁴ Книга была издана в Харбине Н.А. Сетницким под литературным псевдонимом Горского «А.К. Горностаев». Подробнее об отношении А.К. Горского к Ф.М. Достоевскому см.: *Гачева А.Г.* Идеи и образы Достоевского в восприятии А.К. Горского (статья и публикация) // *Достоевский: материалы и исследования.* 2016. Т. 21. СПб.: Нестор-История. С. 441–518.

⁵ *Южный огонек.* 1918. № 16. С. 8–12.

⁶ Согласно протоколам Ассоциации по изучению творчества Блока, Горский сделал два двухчастных доклада — «О цикле “Мэри”» (14 мая, 4 июня 1925) и «Блок и Гоголь» (24 и 31 марта 1927) // *ГАРФ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 1, 39–43, 49–50; Ед. хр. 58. Л. 34–39.*

⁷ Первый доклад был сделан 10 февраля 1928 г., второй — 27 декабря 1928 г. (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 59. Л. 33–36 об.; Ед. хр. 84. Л. 12–15). Доклад о Толстом и Федорове был построен на материале статьи «Перед лицом смерти. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров», переправленной Горским в Харбин и напечатанной там в 1928 г. (подробнее о толстовской теме у Горского см.: *Гачева А.Г.* «Перед лицом смерти»: Творчество Л.Н. Толстого в интерпретации поэта и философа А.К. Горского (Горностаева) // Лев Толстой и мировая культура. Материалы Третьего международного Толстовского конгресса. М.: Институт языков и культуры им. Льва Толстого, 2010. С. 298–309). Доклад о Достоевском был построен на материале работы «Рай на земле».

⁸ См.: *Семенова С.Г.* Идея всеобщности спасения у Н.Ф. Федорова (в контексте христианской традиции апокатастасиса) // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2008. С. 904–926; *Гачева А.Г.* Идея оправдания истории и активно-творческий эсхатологизм русской религиозно-философской мысли конца XIX–первой трети XX в. // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: Индрик, 2015. С. 161–183.

⁹ См.: *Русская философия: зарубежные исследования. Реферативный сборник.* М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 92–100 (публ. М. Хагемейстера).

¹⁰ *Горский А.К.* Борьба делом // Литературный архив Музея национальной письменности. Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.32. Далее ссылки на это архивное собрание даются аббревиатурой FP с указанием номера архивной коробки.

¹¹ *Горский А.К.* [Заметки об Андрее Белом] // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого (далее — МА).

¹² *Горский А.К.* Письмо Н.А. Сетницкому от 18–21 декабря 1927 // FP.I.3.27.

¹³ *Филиппов Б.* О замолчанной. Несколько слов о поэзии Марии Шкапской // *Шкапская М.* Стихи. London, 1979. С. 7–8.

¹⁴ Перечень отзывов о сборнике Шкапской см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Институт русской литературы им. А.М. Горького. ИМЛИ РАН / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 174–175.

¹⁵ Слова Н. Павлович. Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 175.

¹⁶ *Горский А.К.* Огромный очерк // *Горский А.К., Сетницкий Н.А.* Соч. С. 242–243.

¹⁷ Там же. С. 239.

¹⁸ *Гаспаров М.Л.* Мария Шкапская (1891–1952) // *Шкапская М.М.* Стихи. М., 1994. С. 3.

¹⁹ *Шкапская М.М.* Кровь — руда. Пб.; Берлин, 1922. С. 14.

²⁰ Там же. С. 15.

²¹ Там же. С. 19.

²² *Филиппов Б.* О замолчанной. Несколько слов о поэзии Марии Шкапской. С. 16.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ *Шкапская М.М.* Барабан строгого господина. Берлин, 1922. С. 26–27.

²⁶ *Шкапская М.М.* Кровь — руда. С. 23.

²⁷ См.: *Соловьев В.С.* Смысл любви // *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 540–541.

²⁸ Переписка М.М. Шкапской и С.А. Толстой. 1923–1928 / Вступит. ст., публ. и примеч. С.И. Субботина // Наше наследие. 2002. № 63–64. С. 128–150.

²⁹ М.М. Шкапская. Письмо Рахели от 11 октября 1926 // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. magazines.russ.ru/nlo/2005/73/ko8.html. Дата обращения — 15.04.2018.

³⁰ Там же.

³¹ В том же письме Рахели читаем: «Если б, дорогая, можно было вернуть “дни аранжуэца” и исправить свою жизнь, но уже все поздно и непоправимо, и тот единственный, кем

была согрета вся жизнь за эти 10 лет, — сам уже стал прахом и истлело милое тело и все это тем страшнее, что не смеешь не знать своей в этом вины» // Там же.

³² А.К. Горский. Письмо М.М. Шкапской. Январь 1923 // РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 10.

А.К. ГОРСКИЙ. ПИСЬМА М.М. ШКАПСКОЙ

1

24 ноября 1922. Москва

Москва
1922
ноября
24

Дорогая Мария Михайловна!

Весьма был рад получить от Вас весточку, да еще с таким подарком, как «Mater dolorosa»¹. Это мне представляется крайне значительным и определяющим прочностью связующей нас нити признаком, — если ее не перерывает даже «мышья беготня»². Ведь обычно именно мышья своим хвостиком сбрасывает на пол и разбивает яичко, с которым не справились ни дед, ни баба. Вот и сейчас таким хвостиком («соломинкой») отрезан я от Москвы: почти уже около трех недель сижу безвыходно в Богородском: прихворнул: и болезнь-то до курьеза пустяковая — а выходить из дому никак не позволяет. В силу этого я почти со дня Вашего отъезда не видал никого из москвичей — ни Ольги Дмитриевны³ (по смутным слухам — она еще в Москве), ни Куфтиных⁴. Все мои московские дела и планы вдруг застопорились и так скандально запутались, что не без ужаса помышляю, как теперь все это возобновлять, с чего начинать и т.д.

Зато заточение мое оказалось не бесплодным. Неожиданно, что называется, «накатил дух» — да так обильно и длительно, как, кажется, никогда прежде. Целыми днями буквально не выпускал из рук пера, едва успевая умываться, обедать и пр. В результате, подобно Иоанну на Патмосе, наворотил целый Апокалипсис, именно *цикл апокалиптических поэм*⁵. Нечто вроде стихотворного изложения и комментария Откровения Иоаннова. Всего до 1000 строк! Извержение Везувия еще продолжается, хотя уже более слабым темпом. Все это, конечно, результат долголетнего вживания в каждую строку и букву текста. Но все же странно: до сих пор подобного рода замыслы поэм у меня вынашивались и выполнялись годами, а тут даже и замысла и плана никакого не было. Однако вышло все очень стройно и сомкнуто. Конечно, о напечатании этой вещи в России сейчас думать не приходится. Поглядываю в сторону Берлина (Третьей Русской столицы). А хотелось бы скорее пустить ее в ход: там удалось неожиданно схватить под самые зёбра многое из нашей современности. Хотя сознательно я такой задачи (и никакой) не ставил.

Таким образом Вы видите, что хотя «черный враг человеческого рода»⁶, змий древний, — и ухитрился уязвить меня в пяту, — но тут же получил хорошей сдачи — и защемил в капкане свою голову⁷. Наконец, в минуту некоторой пере-

---

дышки получаю вдруг Ваше милое письмо и книжку: набрасываюсь на нее с жадностью и, перечтя много раз со всех сторон, нахожу в ней сверх всего принятого в первом чтении (у Гуро⁸ в коридоре) еще массу вещей новых, неожиданных и крайне для меня ценных. Несомненно, Вам самой слишком еще неясен *подсмысл* собственных образов и ритмов, как и всякому глубокому, из глубины черпающему художнику.

Тем увлекательней становится задача критика. Приводя понемногу в некоторую систему ряд возникающих отсюда мыслей и соображений, я надеюсь когда-нибудь высказать их устно — при свидании, или же (отчасти хотя бы) печатно — при первом удобном случае. А покуда хочется просто сообщить Вам несколько стихотворных строк, в которых для меня заключен сгусток чисто эмоционального *впечатления*, восприятие Вашего творческого облика.

Хотя от строк этих и попахивает (с чего-то вдруг — но не случайно, конечно) «ранним Блоком», — но это ведь запах не из неприятных... Вот:

Уже не знали и не ждали...
Мир оступел... ослеп... оглох...
Но... странно засветлели дали...
Пронесся ветра нежный вздох...
Еще никто не понял Знака...
Но, смолы росные кура,
Из самой черной пасти мрака
Вставала сонная заря⁹.

Сонная заря — эти два слова и есть собственно экстракт всего впечатления.

На этом пока спешу кончить и отослать Вам письмо с оказией (до почтового отделения здесь добрая верста). Страшно тянет меня к Вам в Петербург, чувствую, что он даст мне психических зарядов не меньше, чем Вам Москва. Необходимо атмосферический товарообмен. Пока все-таки ввиду запутанности московских дел не решаюсь даже гадательно назначить срок приезда. Пишите, дорогая Мария Михайловна, буду ждать с нетерпением от Вас вестей. Всего Вам светлого и радостного.

Сердечно Ваш А. Горский¹⁰.

Вдруг зажелтев желтизной
канареечной,
С сучьев — спадает листва...
Снова — сдается — от свечки копеечной
В духе сгорает Москва.

На перепутьях верстою
коломенской
Выросли подвиг и грех...
Но не большою горой, а соломинкой
Головы сняты у всех.

А. Горностаев

1922
Ноябрь¹¹.

1923

январь 4

Милая Мария Михайловна!

Недели три уже, как я получил Ваше письмо¹². За это время произошла бездна событий. Одно время — я был почти на отлете в Петроград. Поэтому и не писал Вам — чтобы уж прямо известить о дне выезда. Но Москва не так-то легко выпускает из своих объятий. Праздники придется провести здесь. А там, кажется, Вы опять хотели появиться у нас? Кроме всего прочего, хотелось бы приехать в Петроград не с пустыми руками — но с материалом для двух-трех выступлений. Одно думаю связать с психоанализом. Другое с Блоком¹³. Третье — возможно, с Федоровым. Между 15–20 назначен — в организовавшемся здесь психоаналитическом обществе мой доклад о Пушкине¹⁴. Сижусь сейчас над этим. Собственно, эта тема у меня разработана много лет назад — но теперь приходится расширить — и отчасти проработать заново.

Относительно Блока — я думал остановиться на «Незнакомке» (драме), которую здесь хотят ставить сразу два театра¹⁵. Кстати — были ли Вы у Блоков? Нет ли у Вас «Эпопеи», журнала, издаваемого Андреем Белым в Берлине, где помещены его воспоминания о Блоке — значительно полнее, чем в «Записках мечтателей»¹⁶. Эта книжка была у меня в руках несколько минут, говорят, была и в магазинах, но пока мы (и я и Пришвин) хватились ее купить — уже нигде не оказалось. Если ее у Вас нет — то попробуйте получить чрез Эренбурга — а если есть, то я очень буду просить Вас захватить в случае приезда — сюда — с собой. Говорят, что продавался и «Барабан строгого господина»¹⁷ — мне он тоже не попался. Ваша «*Mater dolorosa*» сейчас находится у психоаналитика д-ра Вульфа¹⁸. А очень интересно, что Вам говорил Иванов-Смоленский¹⁹. Если нетрудно — напишите.

Очень радуюсь, что Вы «договорились» с Ольгой Дмитриевной²⁰. Передайте ей привет от меня. Только на днях мне удалось достать «Рус<скую> Мысль» 1910 август — где напечатана ее повесть «Дети земли». Это вещь исключительного интереса — пожалуй, самое значительное (по содержанию) из всего, что мне известно ею написанного. Не понял я только, о ком идет речь — о Папюсе или о Штейнере? Или *сгущение* того и другого?²¹

Прочтите, если не знаете, — это сразу Вам раскроет всю «установку» души — автора. Дальнейшее, по-видимому, уже движется по predetermined линиям. В «России» № 4 была статья о ней Маризтты Шагинян²² — там многое по обыкновению метко, но не идет в глубину.

Был я у Екатерины Генриховны²³ и говорил ей о Вашем письме. По поводу Матюшина — она сообщила мне много вещей, о которых прежде умалчивала, — и тут только мне все стало понятно (в смысле хотя бы внешнего генезиса «бедного рыцаря»)²⁴. Но... бумаге доверять этого, пожалуй, не следует — а то я был недавно (у Куфтиных) свидетелем факта довольно странного — и курьезного и жуткого, — как письмо попадает не туда, куда адресовано — но какими-то оккультными путями передается — во всеобщее сведение. Тут дело касается

тоже одного москвича, Вам знакомого²⁵. Увидимся — расскажу подробно. Тут и могилы, и мертвецы, и привидения.

А в общем Москва кипит, бурлит — и клокочет. И презирает «беспочвенно-мистический» Петербург.

Такая тенденция сильна очень. Она, напр<имер>, недавно обнаружилась на чтении привезенной сюда Ивановым-Разумником драмы Вас. Гиппиуса²⁶. Говорят, в Петрограде она имела (в чтении) успех чрезвычайный. Вы слышали ее? Здесь же действие было обратное. Я как раз случайно не смог присутствовать на этом вечере — и о том, что происходило, слышал рассказы на другое утро от обескураженного Иванова-Разумника и ошеломленного Пришвина. Все — «рычали, грызлись и кусались»²⁷.

Но я сбиваюсь — хотел кончить о Матюшиных²⁸. Я лично ни его, ни ее не знаю. К чему же они Вас приговорили? И что поставили в вину? Или оправдали? Напишите подробно — меня крайне занимает все это. Относительно — издания «Рыцаря бедного» я уславливался со Мстиславским²⁹, — но доселе, кажется, никак еще не удастся свести его с Екатериной Генриховной. Асева же пока не видал. Я не понял, почему Вы именно ему писали? Как редактору «Круга»?³⁰ Выражал ли он и ранее желание издать эту вещь? Знает ли ее содержание?

Знакомы ли Вы с А.Л. Волынским? Встречаетесь ли с ним? У меня к нему есть кое-какие дела — обещала с ним повидаться и переговорить Л.Я. Гуревич³¹, уехала в Петроград, да там и застряла.

О каких переводах Вы пишете? «Китайских»? (Не совсем разобрал это слово у Вас.) Неужели Вы владеете китайским языком?³² Или это перевод с перевода?

Где должна выйти Ваша новая книжка?³³ Помнится, Вы составляли ее для печати, отбирая материал — из всех предыдущих. Очень хотелось бы внимательно воспринять Вашу поэзию — в целом.

Наступивший Новый год несет в себе богатейшие возможности во всех сферах и планах бытия. Так, по крайней мере, утверждают знатоки этих дел. Поживем — увидим. Пока что желаю Вам изжить его радостно и творчески.

Вся Москва шлет Вам привет. Можно ли ждать Вас после святок? Пишите скорее.

Сердечно преданный А. Горский.

3

Январь 1923. Москва

1923

Январь

Милая Мария Михайловна!

На один всего день мы с Вами разминулись — получив от Гуро известие о Вашем приезде — захожу к Вам — оказывается, что накануне вечером — Вы уехали с Бассами³⁴.

На другой день получаю Ваше письмо. Очень досадно — что так сложилось. Но, очевидно, требуется по каким-то таинственным предписаниям. Спаси-

---

бо за Ваш подробный отчет — обо всем. Надеюсь, что в феврале удастся с Вами видаться. Но для этого нужно принять следующие меры. Во-первых, я — по мере приближения календаря к 20–25 февраля буду наводить справки о Вас по телефону. Во-вторых, попрошу Вас — как только очутитесь в телефонной станции — позвонить — между 10-ю и 4 часами дня в Центрсоюз по №№ 2–31–02 или — если он занят, то 2–31–03 или же 04, 05, 06 — все эти телефоны Центрсоюза, один из них — который свободен, пусть Вам дадут — а когда соединят, — то там попросите еще добавочный (внутренний) № 72 — это *музейно-выставочный отдел* (или библиотека) — там попросите, чтобы вызвали *Петра Никандровича Мироновича*³⁵ — и ему сообщите о своем приезде — а он уже передаст мне в тот же день. Это мой сосед — и каждый день бывает в Москве на службе, а потом приезжает сюда. Дозвонитесь только до него всеми правдами и неправдами. С телефонной станции — это, я думаю, сделать легче, чем со всякого другого места.

Теперь мне хочется, не дожидаясь встречи с Вами, — изложить на бумаге несколько соображений, вызванных Вашим сообщением о «суде» над Вами у Матюшиных. Меня поразило, что Вы до такой степени взволнованно и огорченно приняли это. Вам надо раз навсегда привыкнуть к мысли, что Вы принадлежите к числу тех, которые «нарушили покой мира»³⁶, — и совершенно ясно, что мир Вам этого не оставит безнаказанным. Еще Блок ведь Вам это предсказывал. В дальнейшем возможно (и даже неизбежно), что у всех «гонителей» Ваших — так же раскроются на Вас глаза, как и у Ольги Дмитриевны Форш. Но... «пока солнце взойдет, роса очи выест...»

Ведь то, что Вы сделали, превосходит всякие вероятия. Недавно раскрывши «Пол и характер» Вейнингера — я наткнулся на такие строки:

«Еще никогда беременная женщина не выразила своих ощущений и чувствований ни в стихах, ни в мемуарах, ни в гинекологическом сочинении»³⁷.

В самом деле! Ведь никто никогда! Я, по крайней мере, не знаю ни одного примера. Я сказал бы больше: вообще — все, что называется «материнской любовью», или не выражено вовсе женщинами, проявлявшими себя в литературе, — или выражено слащаво, фальшиво, неубедительно — явно с чужих (с мужских) слов. Мужчины же писали и фантазировали об этом много, но пресуморительно всегда попадали пальцем в небо, конструируя материнскую любовь по образцу отцовской, только в триста раз усиленной, — тогда как она есть нечто совершенно *иное*.

И вот Вам какая-нибудь Анна Ахматова после ряда «психологических» и что ни на есть «нутряных» — декламаций — вдруг мельком роняет:

«если ты у ног моих положен, —
ласковый лежи...»³⁸

Позвольте — откуда положен — как положен? Неизвестно. А мы-то (Эренбург, напр<имер>) воображаем, что знаем всю «душу» Ахматовой по ее стихам...³⁹

Видимо есть серьезная причина у женщин что-то здесь скрывать от себя и от других. И ту, которая выдаст роковые тайны, ждет неминуемое побиеие камнями (к счастью, в наш век лишь словесными). Не только женская, но и

мужская половина рода человеческого в большинстве своем ополчится на нее. Ибо ведь как же можно: поруган и опрокинут в неизмеримую (для них) бездну — их вековечный идеал женщины — в виде некой (пользуюсь памятным, вероятно, Вам выражением А. Белого в воспоминаниях о Блоке) некой «*Мамы третьего завета*»⁴⁰. Такую ведь «Маму третьего завета» — очевидно решили сотворить и из Елены Гуро. Благо, она умерла.

Интересны нападки на *короткую* жалость. По-видимому, жалость у них приемлется как нечто *длинное, долгое*. *Универсальная* жалость — что ли должна быть. Но такая жалость может быть лишь одним из двух — или предсмертными спазмами и корчами — или (что проще и чаще) фальшиво-сентиментальной словесностью. Настоящая человеческая жалость — не безгранична — а ограничена — именно и должна быть *короткая*, и чем короче, тем лучше. Страдание и сострадание «ищет конца» границы.

Другое дело — любовь, радость (и сорадование). Она сможет вынести безграничность — она «ищет глубокой вечности»⁴¹.

Но вот вопрос: почему зашел этот разговор о *жалости* по поводу Ваших книг? И почему Вы сами как бы соглашаетесь — понять эту тему как лейтмотив своего творчества — и только отстаиваете иную оценку его? Ведь это же совсем не так — и жалости и сострадания у Вас не больше и не меньше, чем у всякого страдающего и восприимчивого человека. Ну пусть даже немного — больше — разве в этом дело? Разве *это* всех пугает и толкает Вас «избить до полусмерти» — сжечь — Ваши книги — и т.д. Конечно же нет! Таким образом, их осуждения и Ваши оправдания дают любопытную картину для психоанализа: спорят только о неназываемом — называют же бесспорное (или мало-спорное). Похоже было, напр<имер>, в процессе Бейлиса, когда одни горячо нападали, а другие взволнованно и сконфуженно оправдывались в чем-то нелепом — бредовом — и однако — психологически значительном — символически *замечающем* нечто иное, что ни обвинители, ни подсудимые — не решались назвать и осознать.

Итак — раскрываем Вашу книгу:

О тяготы блаженней искушенье
соблазн неодолимый...
По улице идти как королева —
Гордясь своей двойной судьбой...⁴²

Блаженство, соблазн, гордость — все что угодно, только не жалость!

Жалость тут не при чем. Жажда удвоенного (бисексуального) сознания. Рождение ребенка уже крушение — уже неудача: не сумела — удержать в себе — (тогда понятны становятся родовые *боли* схватки — организм — не хочет выпустить: личности не улыбается опять «отвоплотиться и стать опять отдельной и одной»⁴³). Отсюда «отдала свою душу» только тому, который «не жил на свете» (вне собственного организма) — да и живущий (добрый, злой, большой) ощущается и воспринимается — лишь в «узелке», где «был он ей лишь ей одной...»⁴⁴ Не привожу других мест...

Вы осмелились обо всем этом себе и другим рассказать — и теперь не должны стыдиться — этих откровений или их затушевывать.

Вы первая, кажется, исполнили то, о чем мечтал и что предписывал женщинам Н.Ф. Федоров — чтобы каждая «дочь человеческая, даже становясь матерью, не переставала быть дочерью и дево́й»⁴⁵, для чего родовая связь должна быть пережита как связь с предыдущими (предками) — а не последующими только поколениями (что у Вас превосходно выявлено, кажется, в «Барабане»⁴⁶).

Он же настаивал на том, чтобы все брачующиеся и рождающие — вели точные записи своих ощущений и переживаний — для конечного овладения всеми темными, неисследованными психическими — и физиологическими силами.

Вскрытый Вами импульс — материнства — автоэротический комплекс — позволяет овладеть громадным полем подсознания: всех последствий этого сейчас еще и учесть нельзя. Все, кто боятся Ваших стихов как сворачивающих мир с правильного пути (это, однако, не шутка — уметь ворочать мирами!) и негодует на них — тем самым уже сам выдает себя с головой.

Нечисто в них воображение.
Не понимает нас оно⁴⁷.

Пугаются и стыдятся собственного автоэротизма, не понимая, что он-то и есть та сила, что, должным образом направленная, способна пересоздать плоть.

Впрочем, быть может, они (т.е. компания Матюшиных) и не стремятся вовсе к этому (как стремилась Елена Гуро), а довольствуются только личным (т.е. психическим?) совершенствованием? Так или нет? В первом случае еще открывается возможность содержательных разговоров и споров, — во втором же — скучно! Предоставим им вариться в собственном соку.

На этом пока кончаю. Мне хотелось записать для Вас часть этих мыслей, как конспект возможной статьи.

Уместно ли подымать печатно в связи с Вашей поэзией эти темы? Я уверен, впрочем, что их не избежать рано или поздно.

Жду Вас с нетерпением.

Надеюсь услышать от Вас свежие вести о Берлине вообще и об Андрее Белом в особенности (скоро ли он вернется в Россию?)⁴⁸

Куфтины просили передать, что у них получена для Вас посылка (из Ташкента, кажется), чтобы зашли к ним по приезду.

Итак — до скорого свидания.

Надеюсь, Вы подольше задержитесь в Москве.

Очень прошу Вас созвониться с Мироновичем или другими способами (открыткой?) известить о прибытии.

Сердечно Ваш А. Горский.

4

28 марта 1923. Москва

1923

Март 28

Милая Мария Михайловна!

Рукопись все еще находится у П.Н. Зайцева⁴⁹. Он говорил, что тоже получил Ваше письмо и будет отвечать Вам подробно, так что не буду повторять его расчетов и предположений. Во всяком случае, как только с ним не выйдет,

---

я не буду медлить с отправкой. С «Колосом» Вам удобней будет говорить в Петрограде. Феррапонт Иванович⁵⁰ не прочь взять и уже от кого-то слышал об этой рукописи — только боится, что она одновременно выйдет за границу. Насколько я понял Ваши слова, этого нельзя ожидать.

Мою книгу о Федорове он обещает выпустить чрез 2–3 месяца⁵¹.

Я в диком вихре Московских дел и безделий вот уже третью неделю. Отдохну на Страстной, а [на] Светлой непременно двинусь к Вам в Питер. Не будет ли еще слишком холодно? Очень рад, что свел Вас с Мошковым⁵². «Эпопею» читал с упоением. Но есть колоссальные натяжки (во вскрытии символики: напр<имер>, «к созидающей работе воротись» истолковывается как лейтмотив «Снежной маски»⁵³). Однако! Прочтите эту фразу в контексте! Большое освежение мысли и от «евразийцев». А вот «Лик человеческий» не того... неприятная вздернутость души... и мысли... и рифмы, за которые хочется бить по «лику». Вл. Гиппиуса люблю (за «Ночь в звездах») и никак не ожидал от него такой недоошенности⁵⁴. Сказать есть что, но разве нельзя спокойнее и достойнее? Вот «Кровь — Руда» чудесно-сочна, полновесна. В «Часе вечернем» есть 3–4 незабываемых вещи (Напр<имер>, «вещи» «Ах ступеней было много», «Фонарик»)⁵⁵.

Спасибо Вам огромное за все эти книги. Отправляю их вместе с письмом через И.М. Басса⁵⁶. Напишите подробнее о Питерском Вашем бытии.

И скорее, чтобы успеть мне получить до отъезда.

Привет Вам от Куфтиных, Гуро, В.М. Инбер (она хочет учредить у себя литературный кружок «Синий чулок»).

До скорого свидания, А. Горский.

5

4 сентября 1923. Москва

Москва 1923 сентября 4

Милая Мария Михайловна!

Может быть, Вы уже вернулись из Крыма. Надеюсь, что Вам хорошо жилось летом и удалось поправить — свое и детей здоровье. Я же этим похвалиться не могу, так как невероятные холода и дожди, продолжавшиеся в Москве все лето без перерыва до половины августа — испортили все удовольствие житья на даче — и в довершение всего — я, простудившись, заполучил — бронхит и воспаление легких (гриппозное), от которого всего недели 1½ как оправился. Впрочем, болезнь протекала не в тяжелой форме. Если не считать погоды и болезни, то все остальное было хорошо. В Москве, несмотря на летний сезон, происходило много интересного. Сейчас открылась выставка, на которой я еще не был. На днях думаю на месяц уехать на родину — в Стародуб — оттуда поеду, может быть, в Одессу.

Все время работаю над книгой о Пушкине⁵⁷ — надеюсь к октябрю закончить.

Приехал сюда Саша Миних⁵⁸, с которым три дня никак не могу встретиться: он меня ищет — а я его — и разминаемся.

Вам взялась передать это письмо Александра Ивановна Зелинская — первая жена проф. Ф.Ф. Зелинского⁵⁹, с которой я вчера познакомился. Она очень инте-

---

ресуется религиозно-философскими вопросами — и, может быть, Вы ее познакомите с Иваном Михайловичем — и направите в его кружок⁶⁰ — если он еще собирается.

Наш Блоковский кружок осенью думает широко развить деятельность⁶¹.

В сентябре ждут приезда Андрея Белого. Пока вернулись Есенин с Айседорой Дункан⁶².

В литературе, кажется, ничего особенно интересного.

Читали Пришвинскую повесть в мае и июне — в «Красной нови»?⁶³ Я ее перечитывал с наслаждением — десяток раз. И каждый раз как наново. Есть какая-то «сила благодатная»⁶⁴ — в этом произведении. — Не знаю, с кем и сравнить из современных авторов.

Когда Вы возвращаетесь? Быть может, встретимся в Москве в конце сентября?

Приехавши, дайте известие по адресу: *Москва, Грохольский пер., д. 21. Детский дом имени Вуколова, М.Я. Горской*⁶⁵ для А.К. Г. Во всяком случае пишите.

Всего светлого. Всем Вашим привет. А. Горский.

6

24 ноября 1923. Москва

Москва
1923
ноября 24

Милая Мария Михайловна!

Только в конце октября возвратился я в Москву из Стародуба, моей родины, где не был свыше девяти лет и где теперь прожил 1½ осенних месяца. Это время было полным вознаграждением за дождливое лето как в смысле изумительно теплой и ясной погоды, так и вообще всех впечатлений. С большим наслаждением работал там над своей книгой «Магический кристалл» — и почти закончил ее в той части, о какой условился с Модзалевским⁶⁶. Теперь только осталось привести в порядок и отдать в переписку. Но, приехавши в Москву, погрузился во множество дел, предприятий и хлопот, начиная с устройства квартиры. Наконец, оседаю на прочное жительство — удалось приобрести комнату в моем любимом районе — Девичьем поле. Я так стремился туда, что в течение лета не использовал ряда других возможностей и лишь сейчас достиг своего. На днях туда водворяюсь окончательно. Жена пока остается в Детском доме. Сообщаю Вам адрес: *Девичье поле, Трубецкой пер., д. 4, кв. 14* — мне.

Еще предстоит длительная история с собиранием вещей и книг — из разных мест рассеяния — и главное, доставки из Одессы библиотеки.

Между тем в Москве сезон разгорается. Приехал, как Вы верно уже знаете, Андрей Белый⁶⁷. Но друзья, опекающие его, решили куда держать под спудом и нигде публично не показывать. Даже в наш блоковский кружок решено привести его на третье или четвертое собрание, когда дело окончательно станет на рельсы. Третьего дня было собрание, где читала доклад (вернее вступительное слово) Е.Ф. Книпович⁶⁸. Всем очень понравилось — и как будто мы сразу нашли настоящий тон в общем подходе к Блоку.

Куфтины ездили в Крым и только на днях вернулись. — Я еще не видался с ними. Очень жаль, что Илья Маркович⁶⁹ уедет из Москвы и вообще что покинул телефонную станцию. Боюсь, что это затруднит и Ваши приезды и остановки в Москве. Как у Вас предусмотрено в эту зиму?

А. Миних находится здесь и застрял по-видимому надолго.

Относительно книги Вашей⁷⁰ он приносит извинения и дает следующее объяснение: Вы ему сказали, чтобы отдал в собственные руки — поэтому он боялся дать книгу кому другому, чтобы не пропала. Теперь она у него осталась в Питерской квартире с другими книгами. Разумеется, я отчитал его и не признал объяснений удовлетворительными. Как теперь, однако, ликвидировать этот инцидент? Он обещал — здесь достать такую же книгу и оставить ее у меня, или переслать Вам через кого-либо. Напишите, как быть.

Вышла «Вторая книга» Мандельштама⁷¹. Стихи превосходные — но картина душевной жизни, ими раскрываемая, довольно жуткая. На ночь страшно читать. «Медленное схождение с ума» и самоудушение.

Не заходила к Вам еще Зелинская? Как идет дело у Ивана Михайловича?⁷² Пишите подробнее обо всем, что у Вас делается, я постараюсь тоже не оставаться в долгу.

Желаю Вам всякого блага (кроме службы, которую благом считать не могу, ибо не видел еще ни одного человека, ею довольного).

А. Горский.

7

14 января 1924. Москва

Москва
1924
Январь 14

Милая Мария Михайловна!

Получил от Вас открытку с печальным известием о Вашей болезни. Надеюсь, что все уже ликвидировалось. Некий рок преследует северян, побывавших на юге. Но отсюда не следует, что надо пред ним пасовать. За «дико угнетенное состояние» Вас следует отчитать. Но думаю, что Вы и сами сделаете над собой эту операцию. Что же касается своего состояния, то могу назвать его «дико *на*-гнетенным». Кажется, никогда в жизни я еще не попадал в такую атмосферическую нагрузку. И недаром: Москва мало-помалу раскачивается в том направлении, как нами намечено. Все-таки с нового года думаю несколько разгрузиться — и залезть в новоотстроенную берлогу, а то и вправду можно свалиться и заболеть в этом вихревороте. По целым неделям в декабре не попадал на свою квартиру! Поглядев сейчас на дату Вашего письма, чувствую смущение. Хотел Вам ответить на другой день — и... каким-то образом ухнул в пространство почти месяц. Зато Вы должны были получить уйму радиоволн за это время⁷³. Известите скорее о Вашем здоровье, если увидите Б.А. Куфтина⁷⁴, с которым я хочу отправить это письмо (хотя не уверен, застану ли его завтра), передайте с ним письмо. Завтра идем на лекцию Андрея Белого «Одна из обителей царства теней» (впечатления современного Берлина)⁷⁵. Блоковский кружок процветает и очень расширился. Последний раз читались привезенные из Питера воспоми-

---

нения М.А. Бекетовой об Алекс<андре> Андреевне⁷⁶. Был также интересный доклад В.В. Гольцева, который сразу вскрыл в «блокизме» два течения: *трагическое*, усердно защищаемое докладчиком и Е.Ф. Книпович, и *деловое* (действенное, а не страдательное), не согласное считать «угрюмство» «сокрытым двигателем» творчества Блока⁷⁷. Интересно Ваше мнение об этом. Впрочем, это трудно сказать в немногих словах.

Желаю Вам здоровья и всего радостного в Новом году.

Жду письма.

А. Горский.

8

7 мая 1924. Москва

Май 7

1924 Москва

Милая Мария Михайловна!

Поздравляю Вас со Светлым праздником и желаю наконец сбросить с себя остатки зимней хвори. Что с Вами такое? Все еще следы воспаления?

Так хотелось бы Вас повидать. Непременно *перед* приездом в Москву уведомите меня, чтобы не разминуться. Я вот уже вторую неделю на отлете в Одессу, куда должен ехать за своими вещами и книгами. Сколько там пробуду, не знаю, думаю, около двух недель.

На лето зовут в разные места, в том числе и в Крым, но мне хочется более всего остаться в Москве на обсиженном месте. В Петроград попаду вероятно не раньше осени.

Очень трудно мне передать Вам свое состояние. Меня наполняет до краев и через все края переливается одно громоподобное потрясающее событие, происшедшее в мире, хотя мир еще о нем не знает (чувствую, что начинаю в Ваших глазах походить на сбежавшего из Удельной, из больницы Николая Чудотворца или как она теперь называется⁷⁸). Но войдите в мое положение: об *этом* говорить я пока не имею права — а ни о чем другом говорить уже не имею интереса.

Если можете принять это с простой органической чуткостью, не пытаюсь осмыслить или догадаться, потому что все это будет совершенно напрасно, то я сказал бы, что никакая самая фантастически-дикая сказка Гофмана или 1001-й ночи не может дать представления о том, что со мной и с некоторыми самыми близкими мне людьми происходит, вернее уже произошло (только не подумайте, что это имеет какое-либо отношение к политике, как обыкновенно всем это первое что приходит в голову, из чего видно, до какой степени все люди помешаны на политике).

Результат всего будет для всех чрезвычайно радостный, но, м<ожет> б<ыть>, и ужасный. Вот и все, что я Вам могу сказать сейчас. Конечно, лучше было бы этого вовсе не писать, но как-то чувствую, что при таком умолчании письмо вышло бы крайне неискренним — с отсутствующей душой, а именно к Вам так писать мне было бы тяжело. Итак, примите мои нечленораздельные глаголы, как Евангельская Мария-Дева — все услышанное «слагавшая в сердце своем»⁷⁹ (а не в мозгу). Еще один совет: перечитывайте почаще статью Блока «Владимир Соловьев и наши дни»⁸⁰, пропуская через себя каждое слово.

Что сказать Вам о блоковском кружке? Он функционировал довольно исправно — пока однажды не устроил публичного вечера, на котором выступили с докладами В.В. Гольцев и Е.Ф. Книпович, а также были прочтены дневники и статья Блока. Это было месяц назад — с тех пор ни слуху ни духу...⁸¹ Когда «бегу Пречистенкою мимо»⁸², забегая в Акад. Худ. наук — то не вижу объявлений о собрании, а к Гольцеву нет времени забежать. Хочу на днях изловить его. Очень досадно, что им не удалось вовлечь Андрея Белого, который так и не был ни на одном собрании кружка — даже на публичном. С ним я встречался в разных других местах — и вели весьма интересные беседы о разных вещах, довольно диких для окружающей публики⁸³. Обещал весной у нас побывать. Слышал и М. Волошина перед отъездом в Питер (то бишь в Ленинград. — Кстати, правда ли, что сочинения Пушкина хотят переименовать в творения Демьяна Бедного?) Как Вам показались его новые циклы?⁸⁴ По-моему, они одним своим существованием убивают все прочее на эти темы, за исключением, конечно, Блока. На горизонте беллетристики восходит новое светило, затмившее даже Леонова. Это некий турок родом из Бессарабии. Фамилию забыл — очень турецкая и зовут Василий Михайлович⁸⁵. Сегодня как раз идем слушать его. Спешу отправить это письмо и жду от Вас подробного.

Всего светлого! Ваш А. Горский.

9

6 сентября 1924. Москва

1924

Сентябрь 6

Москва

Милая Мария Михайловна!

Все не писал я Вам — не зная Вашего крымского адреса, но недавно узнал его от Г.А. Шенгели⁸⁶. В то же время я сам собирался побывать в сентябре в Коктебеле, но теперь это отпало. Потом ловил Петра Ник<олаевича> Зайцева, чтобы прочесть Вашу поэму⁸⁷, но и до сих пор еще не видал его. До июля и я был на юге — а именно — в Одессе, откуда забрал все свои вещи и библиотеку, — в Виннице и в Киеве. С тех пор делю время между Москвой и дачей.

За это время произошла уйма событий, которые когда-нибудь послужат темой для какого-нибудь Уэльса-Достоевского.

Мое же перо совершенно бессильно описать это. Уж не знаешь кто на кого: «Человек идет на Памир» или «Памир идет на человека»? В самом деле Ваша тема мне близка — и сейчас более, чем когда-либо⁸⁸. Очень досадно, что не удалось до сих пор прочесть Вашей поэмы. Из «литературных» впечатлений последних месяцев самое сильное — чтение Вячеславом Ивановым своей новой трагикомедии «Любовь-мираж»⁸⁹ — на фоне опереточных мотивов и приемов (что так неожиданно для автора), развернута жуткая правда души — в некотором роде итог целой жизни и всего творческого и религиозного опыта, — и целая полоса эпохи. В заключительном сновидении героя американец — превращающийся в машину и героиня, оказавшаяся скелетом, танцуют танго-макабр. В художественном смысле пьеса — вершина достижений Вяч. Иванова. В мистиче<ско>м — крах жизненного пути и едкое самобичевание (по-видимому

невольное — и тем более ценное). «Отец пустыня, сын путник, а Мария — Смерть» — вот разоблаченная теперь Троица (Изида трехвенечная), которой этот мистик всю жизнь поклонялся. Еще не зная содержания этой вещи, а только услышав, что Вячеслав за эти три года не написал ни одного стихотворения, но привез зато с собой оперетку — я разразился эпиграммой —

Так: не смутил тебя
событий гул,
И внемля мировому краху
Из своего Баку ты тоже
не дал маху,
И новый миф столетьям изрыгнул
Как бодро, как уверенно шагнул
Ты от Эсхила к Оффенбаху!

Кстати, сообщая Вам и другую эпиграмму на Савинкова⁹⁰:

Заездил двух коней. Был *вороной* хорош,
Но окошел под ним, как прежде рухнул *бледный*
А он, охваченный горячкой всепобедной
В конюшню прискакал: «Что *рыжего* даешь?
В запасе *белый* ждет. И вообще он странно
Перевернул виденье Иоанна.
Что явится в веках такой пострел,
Сам тайновидец не предусмотрел.

7-го августа погребали в Новодевичьем монастыре Поликсену Сергеевну Соловьеву⁹¹, которую мне, также как и Блока, не удалось встретить при жизни. Еще в этом году одним из импульсов поездки в Крым было желание разыскать ее. А она, оказывается, умирала здесь в Солдатенковской больнице. И наконец я увидел ее уже в гробу. Похоронили ее между матерью и братом Владимиром Сергеевичем. Нашего полку прибыло (на Девичьем поле!) В этих могилах (там же и Скрябин погребен) секрет той магнитной аномалии, которую ощущает всякий попадающий в этот район и особенно на самое кладбище. Бывали ли Вы когда в этих местах?

Г.А. Шенгели сказал, что хочет просить Вас, чтобы Вы известили о времени проезда обратного чрез Москву. Тогда и я постараюсь с Вами повидаться. Не совсем для меня ясно, что Вы пишете об «узком огненном кольце». Но относительно задуманной Вами поэмы «Ave Caesar»⁹² хочется просто Вам напомнить хотя бы вещице строки Блока (из предсмертной статьи о Вл. Соловьеве): «Не исполнились писания, далеко не все черты новой эры определились. Нам предстоит много неожиданного, предстоят события, ставящие крест на жизнях и мирозерцаниях дальновиднейших людей, что происходило уже в ближайшие к нам годы и не однажды» и еще: «Не все черты нового мира определились отчетливо, музыка его еще не заглушена, имени он еще не имеет, третья сила далеко еще не стала равнодействующей и шествие ее далеко еще не опередило величественных шествий мира сего...»⁹³

Что же будет, когда музыка зазвучит и третья сила раскроет свое лицо?

На этот счет хорошо выразился П. Антокольский:

И входит жизнь в разгар такого
Скажем, «всемирного» конца,
Как после тени Хлестакова
Жандарм от некоего Лица!⁹⁴

И вот представьте себе, каково будет положение погибавших во имя величественно шествующей тени Хлестакова, принятой за Цезаря и за Солнце новой эры?

Впрочем, кто решился погибать, тому, может быть, в конце концов безразлично, во имя чего и под какой вывеской погибать. «Гвозди бы делать из этих людей»^{94а}. Во всяком случае, если Третья Сила то же, что *Жизнь*, то очевидно ей не нужно ничьей гибели: отсюда всякий Цезарь, нуждающийся в подобных вещах, тем самым уже есть несомненный Хлестаков, то есть маскирующаяся Жизнью Смерть.

Вот Вам, дорогая Мария Михайловна, мои краткие соображения по поводу Вашего замысла. Я заранее уверен, что подоплека этих мыслей сказала бы у Вас бессознательно при создании поэмы, так как импульс Вашего творчества утверждение Жизни.

Согласно древнему мифу в состязании муз с сиренами, иначе называемыми «музами смерти», музы жизни победили и после этого безжалостно общипали своим соперницам все перья, и тем ничего не осталось, как запрятаться в пучину моря.

Эта схватка и сейчас в самом разгаре — и все голоса современной поэзии нашей отражают те или иные ее моменты.

Ваш голос — я воспринимаю как такой, о котором должно сказать словами Блока:

Он весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество!⁹⁵

Этому не мешает «смертная тоска, коей нет имени»: «Пусть душит жизни сон тяжелый»⁹⁶. От этого сна надо проснуться. Но (это к сожалению обычно приходится пояснять!) смерть — не пробуждение, но только окончательное удушье. Какого маху дал Блок, что умер! Как приятно было бы ему убедиться, сколько еще действительно «предстоит неожиданного!»

Выскочим все из огненных колец на простор.

Желаю Вам всего радостного.

Пишите по тому же адресу.

А. Горский.

10

4 января 1925

Москва 1925 января 4

Милая Мария Михайловна!

Получил давно уже Ваше письмо через Шенгели. Мы встретились с ним на похоронах Брюсова⁹⁷ — и я читал, шагая за гробом невдалеке от Андрея Белого Ваши строки о том и другом.

Так хочется Вам многое написать, но это в настоящее время невозможно.

Даже сейчас взяться за перо стоит мне величайшего труда. Несколько месяцев лежит куча писем, некоторые очень срочные — и я органически не могу ответить. Знакомо ли Вам такое?

Правда, в свое оправдание могу сказать слишком многое, но это выразимо только устно, да и то лишь по миновению теперешнего состояния.

Охарактеризовать его совершенно не нахожу слов. А говорить о чем-либо другом тоже не в состоянии.

Очень, очень хотелось бы с Вами повидаться. Может быть, и выйдет (но не ранее как по миновению кризиса), что мне придется на несколько дней заглянуть к Вам в Питер.

Чувствую, что погружаю Вас в полное недоумение. Вот это и останавливает перо. Только не подумайте, что я нездоров телом или духом — все это превосходно как никогда. Ряд материальных комических затруднений, но суть дела не в них, а в совокупности проективных задач крайней сложности и требующих быстрого решения.

Это все последствия летних событий. Ну, пока об этом довольно. Перечел сейчас все написанное и вижу, что получилась страшная дичь, но прошу простить и запастись еще терпением.

«Еще немного и Грядущий придет и не умедлит»⁹⁸.

Ваше ощущение Нового мира, конечно, правильно. Но именно это и казалось мне несоединимым с «цезарем».

Впрочем, это все не скажешь в двух строках.

Как Вы перенесли наводнение? Я посвятил в свое время в сентябре ему целую поэму с эпиграфом из Зоргенфрея: «Я сейчас, гражданин, плохо спал»⁹⁹. Вообще стихи осенние месяцы лились каким-то водопадом. Но некогда было ни переписывать, ни даже перечитывать.

Литературный сезон в этом году в Москве какой-то глухой. Я этому, пожалуй, рад, потому что сейчас не до того, чтобы за всем следить. Слышал лишь новый роман А. Белого «Москва» (или «Слом») ¹⁰⁰. Гениально и... жутковато по ясновидческому совпадению некоторых затронутых им тем с тем, во что уже впутаны мы. Хотел с ним поговорить об этом, но решил пока воздержаться.

Знаете ли Вы «Наль», поэму Шенгели?¹⁰¹ Если да, то как ее восприняли? Вашей вещи я не видел. Вышла ли она?¹⁰² Пишите о себе. Адрес (если потеряли): Москва, *Девичье поле, Трубецкой пер., д. 4, кв. 14.*

Ваш А. Горский.

Письма А.К. Горского М.М. Шкапской печатаются по: РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 280.

В РГАЛИ сохранились 10 писем А.К. Горского М.М. Шкапской. Ответные письма Шкапской Горскому не сохранились. По всей вероятности, они были утрачены при втором аресте Горского в январе 1929 г.

Впервые к письмам А.К. Горского М.М. Шкапской обратилась О.Н. Сетницкая, старшая дочь философа Н.А. Сетницкого, с которым Горского долгие годы связывала идейная дружба. Со второй половины 1960-х гг. она занималась разбором и систематизацией архива Горского, который сохраняла вместе со своей подругой Е.А. Крашенинниковой, работала над

его биографией. Занимаясь в РГАЛИ, она сделала рукописную копию писем с определенным числом купюр, а затем перепечатала их на машинке, составив эпистолярную подборку. К письмам ею были сделаны краткие примечания, дававшие необходимые сведения о лицах, упоминавшихся в переписке, и некоторых сюжетах. При необходимости мы отсылаем к ним в комментарии.

Комментируя письма Горского Шкапской, мы опирались на материалы его архива, образовавшего вместе с московской частью архива Н.А. Сетницкого коллекцию «Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого». Ссылки на эту коллекцию даются сокращенно: *МА*.

¹ Сборник «*Mater dolorosa*» (Пб.: Неопалимая купина, 1921; второе изд.: Берлин: Библиофил, 1922), название которого восходит к одному из центральных образов христианской живописи — «Скорбящей Богоматери», стоящей у креста, на котором распят ее Божественный Сын, объединен темой материнской скорби о ребенке, умершем во младенчестве. В стихах сборника сплетены образы женщины, во чреве которой таинственно созревает новая жизнь; «нерожденного мальчика», погибающего еще в лоне матери; роженицы, радующейся чуду встречи с младенцем; матери, кормящей и ласкающей свое дитя, и той, которой не было дано это счастье («Не снись мне так часто, крохотка, мать свою не суди. Ведь твое молочко нетронутым осталось в моей груди»). Как в калейдоскопе сменяются образы: мать, сгорающая от жалости и любви у колыбели больного ребенка и потом обнимающая похолодевшие тельце; мать, идущая за гробом своих детей», мать на свежей могиле младенца, женщина, готовая отдать себя даже «черному врагу человеческого рода» «за одну надежду о сыне с дорогими чертами лица», и мать, благодарящая Господа за выживших и живущих, просящая снисхождения за то, что в хлопотах о своих малютках она является Марфой, забывающей о «едином на потребу» и обещающая, что на склоне лет, когда «покинув мать и дом, уйдут на волю дети», она снова станет Марией, припадающей к Своему Учителю... Горский увидел в стихах Шкапской опыт художественно-психологического исследования женской природы, центральной для психоаналитической школы проблемы взаимоотношений матери и ребенка, в том числе подсознательного нежелания матери отсоединиться от младенца, отпустить его в мир («И новой жизни новое биенье ежевечерне в теле ощущать <...> И быть как зверь, как дикая волчица, неутоляемой в своей тоске лесной, когда придет пора отвоплотиться и стать опять отдельной и одной»). При этом, в отличие от сторонников психоаналитической школы, философ рассматривал инстинкт женщины удержать ребенка во чреве как одно из проявлений стремления к новой, безущербной телесности, полноте существа, сизигически связанного со всем миром.

² Выражение из стихотворения А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830).

³ Речь идет о писательнице Ольге Дмитриевне Форш (1873–1861). Обстоятельства знакомства с ней А.К. Горского еще нуждаются в прояснении. Судя по сохранившимся в *МА* стихам Б.Э. Форша, мужа писательницы, находящимся в составе папки, отражающей деятельность Горского как заведующего отделом поэзии в журнале «Южный огонек» (1918), и подписи Б.О. Форша на экземпляре Устава Одесского религиозно-философского общества, зарегистрированного в конце декабря 1918 г., Горский познакомился с писательницей через ее супруга.

⁴ Речь идет об археологе и этнографе Борисе Алексеевиче Куфтине (1892–1953) и его первой жене Агнии Михайловне Куфтиной.

⁵ Часть из написанных Горским апокалиптических поэм («Филадельфия», «Лаодикия», «Скияния свидетельства», «Небесный город») было опубликовано в его сборнике «Лице Эры» (Харбин, 1928).

⁶ Цитата из стихотворения М.М. Шкапской «Было тело мое без входа...» (*Шкапская М.М. Mater dolorosa*. Пг., 1921. С. 20).

⁷ Аллюзия на: Быт. 3: 15.

---

⁸ Примечание О.Н. Сетницкой: «Имеется в виду Екатерина Генриховна Гуро (1874–1972), сестра художницы и поэтессы Елены Генриховны Гуро».

⁹ Горский приводит строки из собственного стихотворения.

¹⁰ Вслед за текстом письма от 24 ноября 1922 г. в подборке писем Горского в РГАЛИ следует текст, написанный простым карандашом на бланке начальника управления Московской телеграфной сети:

«Александр Константинович
Горский
(Горностаев)
Москва
Село Богородское
Напрудная ул.
Д. 14, кв. 2

- 1) Передать Блокам две статьи
- 2) Узнать у Эренбурга берлинский адрес Бялика
- 3) Снести с Матушиным по поводу издания бедного рыцаря
- 4) переслать свои книги...»

По всей вероятности, эта записка — «наказ» Горского М.М. Шкапской в Санкт-Петербурге.

¹¹ Текст стихотворения написан Горским простым карандашом на таком же бланке начальника управления Московской телеграфной сети.

¹² Письмо М.М. Шкапской было ответом на письмо Горского от 24 ноября 1922 г.

¹³ В начале 1920-х гг. Горский продолжал разработку блоковской темы, начатую в 1918 г. статьями «Россия в поэзии Александра Блока» и «Крест над вьюгой (О “Двенадцати” Блока)».

¹⁴ *Русское психоаналитическое общество* было создано в 1922 г. Его создателем и главой был проф. И.Д. Ермаков, уделявший особое внимание психоанализу художественного творчества. Горский собирался представить в Русском психоаналитическом обществе свой разбор «Евгения Онегина».

¹⁵ Упомянутые Горским постановки лирической драмы «Незнакомка» не известны.

¹⁶ В «Записках мечтателей» (1922. № 6) были напечатаны «Воспоминания об Александре Александровиче Блоке» Андрея Белого, в центре которых была история его взаимоотношений с поэтом. Развернутая версия «Воспоминаний о Блоке» была напечатана в журнале «Эпопея» (1922. № 1–3; 1923. № 4).

¹⁷ Имеется в виду сборник стихотворений М.М. Шкапской «Барабан строгого господина». Берлин: Изд. «Огоньки», 1922.

¹⁸ *Моисей Владимирович Вульф* (1878–1971) — психиатр, психоаналитик, один из лидеров психоаналитического движения в России, сооснователь Русского психоаналитического общества, переводчик трудов З. Фрейда, один из создателей серии «Психологическая и психоаналитическая библиотека». Горский познакомился с М.В. Вульфом в Одессе, где тот жил и работал с 1909 г., занимаясь проблемой психоанализа детского возраста, что особенно интересовало философа.

¹⁹ *Анатолий Георгиевич Иванов-Смоленский* (1895–1982) — врач, психиатр, занимавшийся проблемами физиологии и патологии нервной деятельности. В 1920-е гг. А.Г. Иванов-Смоленский был сотрудником психиатрической клиники в Военно-медицинской академии, особенно интересовался проблемами сна, гипноза, возникновения ассоциаций.

²⁰ Речь идет об О.Д. Форш.

²¹ Горский рассматривает первую главу незаконченного романа О.Д. Форш «Дети земли» (Русская мысль. 1910 № 2) в контексте мистической, оккультной и антропософской тра-

диции, ведущими представителями которой в эпоху начала века были французский врач-окультист Жерар Анкос (1865–1916), печатавшийся под псевдонимом «Папюс», и немецкий философ и ученый, создатель антропософии Рудольф Штейнер (1861–1925)).

²² *Шагинян М.С.* Ольга Форш // Россия. 1922. № 4. С. 28–29.

²³ Речь идет о Е.Г. Гуро (см. примеч. 8).

²⁴ Речь идет о неоконченной повести «Бедный рыцарь» поэтессы, прозаика, художницы Елены Генриховны Гуро (1877–1913), над которой она работала в последние годы жизни. Художник Михаил Васильевич Матюшин (1861–1934) был мужем Е.Г. Гуро. А.К. Горский включал повесть «Бедный рыцарь» в число произведений, в которых воплощается тема преобразенного Эроса, находил в ней многие мотивы, которые сам развивал в своей концепции преобразовательной эротики. Как следует далее из письма, А.К. Горский предпринимал усилия по публикации повести «Бедный рыцарь».

²⁵ Кого именно имеет в виду Горский, не установлено.

²⁶ Описка или ошибка Горского. Речь в данном случае идет не о поэте и литературоведе Василии Васильевиче Гиппиусе (1890–1942), а о его брате, поэте, прозаике, критике Владимире Васильевиче Гиппиусе (1876–1941, псевд.: Вл. Бестужев), и чтении его исповедально-автобиографической поэмы «Лик человеческий» (в двадцати песнях), первые восемь песен которой вышли в 1922 г. (*Гиппиус В.* Лик человеческий. П.; Берлин, 1922). Поэму высоко оценил критик, публицист, журналист *Иванов-Разумник* (1878–1946; наст. имя и фам.: Разумник Васильевич Иванов) (Летопись Дома литераторов. 1922. № 7. С. 5).

²⁷ Закавыченные слова принадлежат М.М. Пришвину. Ср. запись в его дневнике от 26 декабря 1922 г.: «Читали изумительную пьесу В. Гиппиуса. Мысль ее: путь человеческого рода, начиная с семени Авраамова, движется жертвою: человек жертвует и тем продолжается. Самое близкое человеку, его любовь, приносится в жертву Богу, и за то род продолжается по пути создания существа, которое в состоянии всем пожертвовать и соединить в духе с Богом весь род человека и тем кончить путь <...> Мистерия была прочитана в обществе людей, бесконечно потерявших всякое религиозное чувство, совершенно растерявшихся, заблудившихся своей эмпирической индивидуальностью, разбитой, разорванной на клочки жизнью. Были такие, что дико рычали, как собаки, воющие на луну от тоски, рычат, когда слышат приближение шагов человека <...> В этой вещи все изумительная, сила чувства, интеллект, талант, мастерство, и только нет чуда такого, чтобы мы мертвые, пробуждались. Рев этих мертвых был так силен, что и меня заразил, и негодование кипело у меня в душе — на кого, на что? Я не знаю» (*Пришвин М.М.* Дневники 1920–1922. М., 1995. С. 291–292).

²⁸ Речь идет о М.В. Матюшине и его второй жене, писательнице, мемуаристке Ольге Константиновне Матюшиной (1875–1885).

²⁹ *Сергей Дмитриевич Мстиславский* (1876–1943) — прозаик, публицист, один из видных деятелей партии эсеров. Вместе с Р.В. Ивановым-Разумником и А. Белым был один из создателей группы «Скифы». С 1921 г. — редактор журнала «Экран. Вестник театра — искусства — кино — спорта» и частного издательства «Денница».

³⁰ Поэт Николай Николаевич Асеев (1889–1963) был членом Правления артели писателей «Круг», созданной в 1922 г. по инициативе А.К. Воронского. В созданном артелью одноименном издательстве и альманахе «Круг» публиковалась проза и поэзия как авторов, творческий взлет которых пришелся на 1920-е гг. (Б. Пильняк, А. Малышкин, Е. Замятин, А. Толстой, Э. Бабель, Вс. Иванов и др.), так и деятелей культуры Серебряного века (А. Белый, С. Есенин, Б. Пастернак и др.).

³¹ *Любовь Яковлевна Гуревич* (1866–1940) — литературный и театральный критик, прозаик, переводчица. В 1890-е гг. — владелица и издательница журнала «Северный вестник», ставшего трибуной нарождавшегося русского символизма. *Аким Львович Волынский* (1861–1926; настоящие имя и фамилия — Хаим Лейбович Флексер), литературный и театральный критик, историк и теоретик искусства, с которым она познакомилась в 1887 г., стал фактическим лидером журнала. А.К. Горский просил Л.Я. Гуревич содействовать его встрече с

А.Л. Волынский в связи со своей работой над биографией Н.Ф. Федорова для издательства «Колос». Встреча А.К. Горского с А.Л. Волынским состоялась. Первый выпуск работы «Н.Ф. Федоров и современность» (Харбин, 1928–1933), содержащий биографический очерк о Федорове, открывался высказываниями А.Л. Волынского, зафиксированными Горским при этом разговоре.

³² М.М. Шкапская в 1913–1916 гг. жила с мужем во Франции. В Тулузе окончила филологический факультет, в Париже прослушала годичный курс китайского языка, занималась историей китайской литературы.

³³ По всей вероятности, речь идет о сборнике М.М. Шкапской «Час вечерний: Стихи» (Пг.: Мысль, 1922), в который вошли ее стихи 1913–1917 гг.

³⁴ Речь идет о семье друга и возлюбленного М.М. Шкапской, инженера, начальника Московской телефонной станции Ильи Марковича Басса (1891–1925).

³⁵ *Петр Никандрович Миронович* (1870–е–1935) — художник, брат В.Н. Миронович-Кузнецовой, энтузиастки идей Федорова, большой помощницы А.К. Горского. Один из членов федоровского кружка 1920-х гг.

³⁶ Горский применяет к Шкапской автохарактеристику З. Фрейда. Объясняя настороженное, отношение к своим докладам о сексуальной причине неврозов в научном сообществе, психоаналитик писал: «Я понял с этого времени, что принадлежу к тем людям, которые, по выражению Hebbel'a, “нарушили покой мира”» (*Фрейд З.* Очерк истории психоанализа. Одесса, 1919).

³⁷ *Вейнингер О.* Пол и характер. СПб., 1908. С. 100.

³⁸ Цитата из стихотворения А.А. Ахматовой «Каждый день по-новому тревожен...» (1913).

³⁹ Горский имеет в виду этюд И.Г. Эренбурга об А.А. Ахматовой, вошедший в его книгу «Портреты русских поэтов» (Берлин, 1922. С. 7–9): «скорбная, похожая на надломленное деревце женщина»; «любовь стала ее дерзанием, мученическим оброком» и др.

⁴⁰ Речь идет о следующем фрагменте того варианта воспоминаний А. Белого об А. Блоке, который был опубликован в сборнике «Записки мечтателей»: «Прекрасная Дама, по Александру Александровичу, меняет свое земное отображение, и встает вопрос, подобный тому, как Папа является живым продолжением апостола Петра, так может оказаться, что среди женщин, в которых зеркально отражается новая богиня Соловьева, может оказаться Единственная, Одна, которая и будет, естественно, тем, чем Папа является для правоверных католиков... Она может оказаться среди нас, как естественное отображение Софии, как Папа своего рода (или “мама”) Третьего Завета» (*Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // *Записки мечтателей.* № 6 (1922). С. 22).

⁴¹ Цитата из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Введ. Елизаветы Фёрстер-Ницше, пер. с нем.: В. Изразцова. СПб.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1913).

⁴² Горский цитирует строки из стихотворения М.М. Шкапской «О, тяготы блаженной искушение...», описывающие метафизическое состояние женщины, носящей во чреве ребенка (*Шкапская М.М.* *Mater dolorosa.* С. 21). См. примеч. 1.

⁴³ Цитата из того же стихотворения.

⁴⁴ «Отдала свою душу» только тому, «кто не жил на свете» — миницитаты из стихотворения М.М. Шкапской «Станут старше, взрослее дети...», где звучит воображаемый поэтический упрек детей поэтессы (им и посвящен сборник «*Mater dolorosa*») матери, отдавшей всю любовь умершему ребенку в ущерб им, живым. В «узелке», где «был он ей лишь ей одной...» — цитаты из стихотворения «В землю сын ушел — и мать от земли не может встать» (*Шкапская М.М.* *Mater dolorosa.* С. 16, 24).

⁴⁵ Неточная цитата из работы Н.Ф. Федорова «Вопрос о братстве и родстве...»: «женщина, делаясь матерью, не перестает быть дочерью; она *приснодщерь*». Здесь же, раскрывая смысл уподобления всякой женщине Богоматери, Федоров писал: «женщина, делаясь мате-

рю, должна оставаться девою, *приснодевою*»; «В понятии *дочери человеческой* предполагается такая любовь к своим родителям, которая не только не исключает любви ко всем отцам, но даже именно требует ее» (*Федоров Н.Ф.* *Философия общего дела*. Т. 1. Верный, 1906. С. 121).

⁴⁶ Горский отсылает к сборнику М.М. Шкапской «*Барабан строгого господина*» (Берлин: Огоньки, 1922). См. вступит. ст.

⁴⁷ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «*Разговор книгопродавца с поэтом*» (1824).

⁴⁸ Андрей Белый жил в Берлине с осени 1921 г. В Россию поэт вернулся весной 1923 г.

⁴⁹ *Петр Никанорович Зайцев* (1889–1970) — поэт и прозаик. С ноября 1921 по январь 1925 г. работал секретарем и заведующим редакцией созданного им вместе с Н.С. Ангарским и В.В. Вересаевым издательства «Недра».

⁵⁰ *Ферапонт Иванович Седенко* (псевд. Петр Витязев; 1886–1938) — историк, библиограф, издатель, глава издательства «Колос» (1918–1926).

⁵¹ Речь идет о сочинении А.К. Горского «*Николай Федорович Федоров. Биографический очерк*», представлявшей собой первоначальное ядро, из которого затем выросла работа «*Н.Ф. Федоров и современность*» (Харбин, 1928–1933). Биографическая библиотека кооперативного издательства «Колос», для которой Горский предназначал очерк о Федорове, начала выходить в 1922 г. В ее рамках вышли очерки о И.С. Тургеневе, А.Н. Островском, А.И. Герцене, Н.Г. Чернышевском, П.Л. Лаврове, А.А. Блоке и др. Работа Горского о Федорове в серии «*Биографическая библиотека*» издана не была. В мае 1937 г. Ф.И. Витязев продал ее машинопись в Государственный литературный музей (см. его письмо-предложение о приобретении рукописи от 5 мая 1937: РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 397). Было ли это сделано по его собственной инициативе, или по просьбе А.К. Горского, только освободившегося из заключения и нуждавшегося в деньгах, неизвестно.

⁵² Комментарий О.Н. Сетницкой: «Вероятно, имеется в виду В.А. Мошков, автор мало известной книги «*Механика вырождения*» (М., 1912), в которой развивал идеи цикличности истории».

⁵³ Горский отсылает к главке «*Снежная маска*», вошедшей в 6 главу «*Воспоминаний об Александре Блоке*» А. Белого (Эпопея. 1922. № 3 С 227). «*К созидающей работе воротись*» — цитата из стихотворения А.А. Блока «*Прочь!*» (1907).

⁵⁴ Горский сопоставляет поэтический сборник В.В. Гишпиуса «*Ночь в звездах*» (Пг., 1915) и исповедально-автобиографическую поэму «*Лик человеческий*» (см. примеч. 26).

⁵⁵ Горский дает оценку сборнику стихов М.М. Шкапской «*Кровь — Руда*» (Берлин: Эпоха, 1922). Стихотворения сборника объединены мистически переживаемой темой телесности, образом крови как средоточия жизни, бьющей во всех поколениях человека, связующей их единой цепью зачатий и рождений. Также мыслитель упоминает стихотворение «*На подъеме*» («*Ах, ступеней было много...*») (1915), в котором заявлена тема женской Голгофы, одна из центральных в творчестве Шкапской, и стихотворение «*Фонарик*» (оба вошли в ее сборник «*Час вечерний*»).

⁵⁶ См. примеч. 34.

⁵⁷ Речь идет о работе А.К. Горского «*Магический кристалл*» (1922–1923).

⁵⁸ Поэт Александр Миних (Александр Викторович Маслов (1903–1941)). Входил в ближайшее окружение Горского, интересовался идеями Н.Ф. Федорова.

⁵⁹ *Фаддей Францевич Зелинский* (1859–1944) — филолог, культуролог, один из ведущих исследователей античности.

⁶⁰ Речь идет об Иване Михайловиче Гревсе (1860–1941), русском историке-медиевисте, одном из активных деятелей религиозно-философского кружка «*Воскресение*», созданного в 1918 г. философом А.А. Мейером и его женой К.А. Половцовой.

⁶¹ Речь идет о Московском кружке по изучению Александра Блока, которым руководил критик и литературовед В.В. Гольцев. В состав кружка входили С.М. Соловьев, Н.В. Зеленин, Н.П. Киселев, Е.Ф. Книпович, К.Н. Васильева, В.О. Нилендер, В.Ф. Фефер, А.С. Пет-

ровский, А.К. Горский (Горностаев), а также лица из «федоровского» окружения Горского — его друг, философ Н.А. Сетницкий и поэт Б.И. Шманкевич (см.: «Заявление в Литературную секцию Российской академии художественных наук» // РГАЛИ. Ф. 2530. Оп. 2. Ед. хр. 252. Л. 2–2 об.) 8 ноября 1923 г. состоялось организационное собрание кружка. На нем присутствовали М.В. Бабенчиков, А.К. Горностаев, Н.В. Зеленин, В.О. Нилендер, Е.Ф. Книпович, Н.А. Сетницкий, Б.И. Шманкевич (Отчет о деятельности Московской ассоциации по изучению творчества Александра Блока за период с ноября по июль 1924 // Там же. Л. 3). На заседании была выработана широкая программа деятельности кружка: создание полной библиографии Блока, текстологических исследований, «составления и изучения иконографии» поэта и лиц из его окружения, «снямок с различных мест, имеющих отношение к жизни и творчеству Блока»; создание «Блоковской библиотеки», в которую должны были войти «книги Блока во всех изданиях и на всех языках», переводы, сделанные Блоком, все книги и статьи о поэте; «собрание и изучение воспоминаний о Блоке» и «содействие написанию новых»; составление хроники жизни и творчества; исследование поэтики Блока; проведение научных заседаний; издательская программа. Было постановлено привлечь к работе Л.Д. Блок, М.А. Бекетову, Л.П. Гроссмана, С.М. Городецкого, Г.И. Чулкова, О.Э. Озаровскую, В.И. Немирович-Данченко, В.Э. Мейерхольда и друг<их>. На этом же заседании Кружок постановил обратиться в Российскую академию художественных наук (первоначальное название ГАХН) «с просьбой о присоединении Кружка к Литературной Секции в качестве свободной ассоциации», что 6 декабря и было выполнено «временным распорядительным Бюро» во главе с В.В. Гольцевым, причем, заявляя о составе кружка, он включил в его первоначальное ядро и А. Белого, вернувшегося осенью 1923 г. в Москву (см.: «Заявление в Литературную секцию Российской академии художественных наук» // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 9–10; Копия: РГАЛИ. Ф. 2530. Оп. 2. Ед. хр. 252. Л. 2–2 об.). 21 декабря 1923 г. Президиум ГАХН одобрил создание Ассоциации по изучению творчества А.А. Блока при Литературной секции (Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 18. Л. 8). К лету 1924 г. в ней числилось уже 41 человек (Там же. Л. 2–2 об.), и с конца 1923 г. Ассоциация развернула широкую деятельность, продолжавшуюся до закрытия ГАХН. А.К. Горский был активным членом Ассоциации, присутствовал на большинстве ее заседаний, неоднократно выступал в прениях, сделал доклады «О цикле Мэри» и «Блок и Гоголь».

⁶² С.А. Есенин и Айседора Дункан вернулись в Москву из-за границы 3 августа 1923 г.

⁶³ В № 3–5 журнала «Красная новь» за 1923 г. было напечатано начало романа М.М. Пришвина «Кашеева цепь».

⁶⁴ Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва» (1829).

⁶⁵ *Мария Яковлевна Горская* (урожд. — *Монзалеvская*, 1893–1972) — певица, художница, педагог, жена А.К. Горского. Окончила Киевскую консерваторию по классу Р.М. Глиэра. Преподавала музыку. Брак М.Я. Горской и А.К. Горского был целомудренным.

⁶⁶ Горский уславливался с Борисом Львовичем Модзалевским (1874–1928), литературоведом, пушкинистом, о напечатании своей работы «Магический кристалл».

⁶⁷ Андрей Белый приехал в Москву 26 октября 1923 г.

⁶⁸ Имеется в виду заседание Блоковского кружка, состоявшееся 22 ноября 1923 г. Литературовед и критик Евгения Федоровна Книпович (1898–1988) сделала на нем доклад «Дело Блока», выдвинув следующие положения: «Блок как выразитель устремления современности к будущему. Жизненность и реальность его внутреннего облика. Временное значение творчества Блока — как выражение судьбы поколений его современников. Вневременное значение его творчества как одного из этапов пути к освобождению человека». В прениях принимали участие Н.А. Сетницкий, В.В. Гольцев, Н.В. Зеленин, С.Д. Мстиславский, М.В. Бабенчиков, А.К. Горностаев, В.О. Нилендер, Н.П. Киселев (РГАЛИ. Ф. 2530. Оп. 2. Ед. хр. 252. Л. 3).

⁶⁹ Речь идет о И.М. Бассе.

⁷⁰ О какой именно книге М.М. Шкапской идет речь, не установлено.

⁷¹ *Мандельштам О.Э.* Вторая книга. М.; Пб.: Круг, 1923.

⁷² См. примеч. 59.

⁷³ А.К. Горский отсылает к популярной в 1920-е гг. теории инженера Б.Б. Кажинского, согласно которой человеческий организм представляет собой своего рода биологическую радиостанцию, излучения которой, в том числе мысли, могут быть уловлены на расстоянии другим человеком.

⁷⁴ См. примеч. 4.

⁷⁵ В 1924 г. в Госиздате вышел очерк-памфлет А. Белого «Одна из обитателей царства теней» (Л., 1924), написанный под впечатлением поездки в Германию в начале 1920-х гг. Поэт дал свою версию «Заката Европы», где человечество становится пленником «парализованного сознания, суженного и падающего в объятия животной природы» (Указ. соч. С. 6). По всей вероятности, лекция поэта была посвящена той же теме.

⁷⁶ 4 января 1924 г. Е.Ф. Книпович представила на заседании Ассоциации по изучению А.А. Блока рецензию на неизданную книгу М.А. Бекетовой «Ал. Блок и его мать». На заседании 23 января была прочитана первая половина книги, на заседании 6 февраля — вторая. Как писал В.В. Гольцев в отчете об этом чтении: «Эта книга, возникшая первоначально как сопроводительный текст к альбому фотографических снимков, представляет собою весьма существенное дополнение к уже напечатанному в Берлине биографическому очерку. В книге впервые приводится ряд интересных материалов (отрывки из писем поэта к родным, неопубликованные стихотворения и проч.)» (РГАЛИ. Ф. 2530. Оп. 2. Ед. хр. 252. Л. 4).

⁷⁷ Горский имеет в виду доклад В.В. Гольцева «Александр Блок и наши дни», состоявшийся 22 декабря 1923 г. в котором были подняты следующие темы: «Общесексуальное значение творчества Блока. Блок как выразитель переходного времени. Предчувствия революции и конца старой европейской культуры у Блока. “Проблема музыки как культуросозидающей силы”. “Чистое искусство” и Блок. Блок и современный романтизм. Блок и возрождение трагического искусства». В прениях приняли участие М.В. Бабенчиков, А.К. Горский (Горностаев), Н.А. Сетницкий, Е.Ф. Книпович.) (РГАЛИ. Ф. 2530. Оп. 2. Ед. хр. 252. Л. 4).

⁷⁸ Речь идет о петербургской Психиатрической больнице св. Николая Чудотворца. В годы советской власти она была переименована в Городскую психиатрическую больницу № 2.

⁷⁹ Лк. 2: 19.

⁸⁰ Статья А. Блока «Вл. Соловьев и наши дни» была прочитана в Вольной философской ассоциации на вечере памяти В. Соловьева 15 августа 1920 г. Опубликована: Записки мечтателей. 1921. № 2–3.

⁸¹ Публичное заседание Московской Ассоциации по изучению творчества Блока состоялось 27 марта 1924 г. После вступительного слова Л.П. Гроссмана об историко-литературном значении Блока В.В. Гольцев рассказал о задачах Ассоциации и изложил план ее работы, подчеркивая необходимость «целостного монистического рассмотрения литературного наследства Блока». Далее Е.Ф. Книпович выступила с докладом «Путь к Возмездию», говоря о «единстве пути и облика Блока», о «разрыве между временным и вневременным в его творчестве и попытках преодолеть этот разрыв» мистикой («Стихи о Прекрасной Даме») и магией искусства («Нечаянная Радость»), о совершившемся у Блока, начиная с 1910-х гг. «повороте к человеческой конкретности устремлений», проявлением которых стали поэма «Возмездие», «Двенадцать» и «Скифы». Заседание завершилось чтением неизданной статьи А. Блока «Без божества, без вдохновенья» (см.: РГАЛИ. Ф. 2530. Оп. 2. Ед. хр. 252. Л. 2, 5). Затем, судя по протоколам заседаний Ассоциации, сохранившихся в фондах ГАХН, после публичного вечера Ассоциация по изучению творчества Блока провела до лета всего лишь 3 заседания (с частотой 1 раз в месяц): 23 апреля читались неизданные письма Блока к М.С. и С.М. Соловьевым 1900–1910-х гг., 14 мая был доклад Н.Д. Волкова «Роза и Крест», подготовленный на основе его неизданной книги «Блок и театр», а 28 мая читались неизданные отрывки из I и II вариантов этой лирической драмы (Там же. Л. 6).

⁸² Цитата из поэмы А. Белого «Первое свидание» (1921).

⁸³ Общение Горского с А. Белым, углубление в его творчество способствовали рождению замысла «Книги об Андрее Белом». Горский зафиксировал этот замысел «проектом» будущей книжной обложки (сохранилась в МА). В архиве мыслителя в папке «Андрей Белый» хранятся многочисленные заметки и размышления о творчестве Белого, «Записках чудака», романе «Москва».

⁸⁴ В 1923–1924 гг. М. Волошин работал над поэтическим циклом «Пути Каина», поэмой «Россия», стихотворениями «Русь», «Голод» и др. В марте 1924 г. поэт выступал в Москве.

⁸⁵ Вероятно, речь идет о Василии Михайловиче Кудашёве (1902–1941), писателе, члене литературного объединения «Молодая Гвардия».

⁸⁶ *Георгий Аркадьевич Шенгели* (1894–1956) — поэт, переводчик, критик, стиховед. Его переписка с М.М. Шкапской частично опубликована: Рудин из Брюсовского института (Письма Г.А. Шенгели М.М. Шкапской. 1923–1932 / Публ. С. Шумихина) // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 15. М., 1994. С. 248–279).

⁸⁷ Речь идет о поэме М.М. Шкапской «Человек идет на Памир» (1924).

⁸⁸ Поэма Шкапской «Человек идет на Памир» представляла собой художественно-философское размышление о человеке-преобразователе мира. Чтобы продлиться и выжить в природе, человек от начала времен вступает в схватку с мертвой материей, заставляет камень, железо и медь служить себе, создает машины и механизмы. Но мертвое, искусственное, глубинно враждебное жизни, при первом удобном случае убивает его («Поднялся на лапы лукавый зверь. / Стальная челюсть крепка у него — / Взмах... крик... ничего... / Кровавая лужа, черное пятно») или он сам при помощи созданных им орудий убивает ближнего на войне. И тем не менее человек неуклонно, упрямо продолжает свой путь, преобразуя коснеющий мир:

Лопатой землю, воду веслом,
Динамитом о скалы скал,
Искуснейшим ремеслом
Неподатливый металл.
Жадными ртами шахт
Тугую гулкую землю.
Всегда в человеческих руках
Тысячи приемов и систем.
И пусть отдельный умрет, —
Человек всегда идет,
И вечно женщина от своих костей
Даст ему новых детей.
Считай, познавай, мерь,
Пусть встает на дыбы зверь,
Пусть мертвый коснеет мир, —
Человек идет на Памир.

(*Шкапская М.М. Человек идет на Памир // Шкапская М.М. Земные ремесла*. М., 1925. С. 30).

Тема, поднятая Шкапской, была близка Горскому, который в 1924 г. вместе с Н.А. Сетницким и В.Н. Муравьевым подготовил сборник «Трудоведение», в основу которого была положена концепция труда человека как антиэнтропийной, преобразующей мир силы.

⁸⁹ Горский слышал чтение поэмы Вяч. Иванова «Любовь-мираж» в доме у Г.В. Чулкова. Орывок из письма Горского с характеристикой пьесы и его эпиграмму на Вяч. Иванова М.М. Шкапская внесла в свой альбом (РГАЛИ. Ф. 2128. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 1–1 об.).

⁹⁰ Поводом к эпиграмме стал выход в свет в Париже в 1924 г. книги писателя-террориста Бориса Викторовича Савинкова (1879–1925) «Конь вороной», продолжающую его первую книгу «Конь бледный» (СПб., 1909). Горский высмеивает апокалипсическую символику

прозы Савинкова, проникнутой мотивами пессимизма и катастрофизма. Текст эпиграммы М.М. Шкапская внесла в свой альбом (Там же. Л. 1).

⁹¹ *Поликсена Сергеевна Соловьева* (1867–1924) — поэтесса, прозаик, сестра В.С. Соловьева.

⁹² «Слався, Цезарь!» (*лат.*). Начальные строки восклицания гладиаторов, шедших на смерть. Поэма с таким названием М.М. Шкапской написана не была.

⁹³ Цитата из статьи А.А. Блока «Владимир Соловьев и наши дни» (Записки мечтателей. 1921. № 2–3. С. 172).

⁹⁴ Цитата из стихотворения П. Антокольского «Князь Тьмы».

^{94a} Цитата из «Баллады о гвоздях» Н.С. Тихонова.

⁹⁵ Цитата из стихотворения А.А. Блока «О, я хочу безумно жить...» (1914).

⁹⁶ Цитата из того же стихотворения.

⁹⁷ Похороны В.Я. Брюсова описаны в письме Г.А. Шенгели М.М. Шкапской от 11 октября 1924 (Минувшее. Вып. 15. С. 263–265).

⁹⁸ Евр. 10: 37.

⁹⁹ Цитата из стихотворения поэта, переводчика Вильяма Александровича Зоргенфрея (1882–1938) «Над Невой» (1920).

¹⁰⁰ Роману А. Белого «Москва» (1924–1926) Горский посвятил целый ряд философских заметок, сохранившихся в его архиве.

¹⁰¹ Поэма «Наль» была написана Г.А. Шенгели в 1924 г. В письмах М.М. Шкапской он неоднократно упоминает это произведение.

¹⁰² Вероятно, речь идет о поэме М.М. Шкапской «Человек идет на Памир».